

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ
**ПАРЯЩАЯ ДЛЯ
ДРАКОНА**

КНИГА ТРЕТЬЯ

Марина Эльденберт

Парящая для дракона. Книга 3

<https://litres.ru/74207244>

Аннотация

Политический брак — совсем не то, о чем я мечтала. Леды Ферверна безжалостны, точно так же, как сердце мужчины, которому я отдала свое. За его спиной раскроются крылья власти, за моей — крылья любви. И лед растает, а пламя замерзнет, когда я расскажу миру свою историю. Ради крохи, для которой живу. Ради той, за кого умру и воскресну.

ФИНАЛЬНАЯ КНИГА СЕРИИ ПАРЯЩАЯ ДЛЯ ДРАКОНА
История Лыдинки

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	70
Глава 7	80
Глава 8	98
Глава 9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Глава 1

Мне кажется, что кто-то изобрел машину времени или просто с помощью какой-то неведомой силы закинул меня в прошлое. В ту самую минуту, когда я ждала его в своей спальне после случившегося в ресторане, ждала, чтобы с ним поговорить, чтобы сказать ему все, что горело внутри. Чтобы извиниться. Ситуация повторяется почти с точностью до ощущений, но эти ощущения — всего лишь отголоски того, чему не суждено сбыться. Я сейчас не дома, у меня и дома-то нет. На мне — больничная рубашка, и я не так давно рассказала всему миру, как убегала от отца своего ребенка, который сейчас стоит передо мной. Но что самое главное, я не испытываю по этому поводу ни малейшего чувства вины, и будь у меня выбор, я поступила бы в точности так же.

Возможно, именно поэтому моими первыми словами становятся именно эти:

— Я буду с тобой говорить только в присутствии своего брата.

Кажется, не такого он ожидал. Или ожидал, но чего-то совершенно иного, потому что в его представлении Лаура должна бежать, поджав хвост, или дрожать от одного взгляда на великого и могучего. Ну как минимум от страха за свою семью, из разряда «не впутывать сюда своего брата, своих друзей и так далее». Но я уже их впутала — попросту тем,

что родилась, что была с ними связана по рождению или по знакомству, как с Рин и Сэфлом. Уверена, Сэфл не просто так стал начальником службы безопасности. Он им стал, потому что он был моим лучшим другом. А Торну нужны все инструменты, чтобы разрушить мою жизнь.

— Ты будешь говорить со мной здесь и сейчас, Лаура, — произносит он.

Странно, что палата не покрылась льдом изнутри, и не осыпалась осколками прямо на нас.

Я улыбаюсь. Показываю на смартфон.

И отворачиваюсь.

Не так это и просто — выдерживать тяжесть его присутствия, особенно учитывая, что в глубине души (когда-то очень давно, безумно давно, видимо, в другой жизни) я надеялась на эту встречу. Надеялась, что она случится, и что она будет... не такой как сейчас. Но как говорится, что имеем, то имеем. Надо исходить из сложившихся обстоятельств, здесь и сейчас. На месте.

За спиной раздаются шаги, и я чувствую, что он приближается каждой клеточкой своего тела. Каждым вздохом, который, кажется, сейчас вырвется из моей груди облачком пара. От позорного бегства спасает только то, что бежать в больничной рубашке не лучшая идея — это первое. И второе: я не хочу показывать ему свой страх. Я хочу, чтобы он ушел.

Что там случилось такого, что Халлоран вот так просто

пустил его ко мне, я не знаю, но вероятно это было из разряда: «Заберите свою бомбу замедленного действия и деактивируйте ее в Ферверне». Что же, посмотрим, как у него это получится.

Теперь.

— Я говорил с твоим отцом.

Это звучит, по меньшей мере, неожиданно. Остановившись рядом со мной, Торн складывает руки на груди и смотрит в окно на раскинувшийся за ним Мэйстон. Меня должно волновать то, что он говорил с моим отцом? Точнее, с мужчиной, который меня называл своей дочерью? Не должно. Но оно волнует, и я больше чем уверена, что он это прекрасно знает. Да, он прекрасно знает на что, как и куда надавить, чтобы я немедленно пасанула.

Прости, Торн. Не в этот раз.

— Я попросила тебя уйти, — отвечаю я. — И если ты не оставишь меня в покое...

— Твоя мать жива.

Откат от этих слов такой мощный, что я чудом держусь на ногах. Лед прокатывается по позвоночнику, собираясь в кончиках пальцев — и снова растекаясь по телу морозным туманом, отпечатывающимся в сознании каждым словом, как клеймом.

Твоя.

Мать.

Жива.

Эти раскаленные буквы проступают сквозь густую пелену ледяного дыхания, как неон сквозь густую метель.

Я не могу дышать, даже двигаться не могу, поэтому просто спрашиваю:

— Что?

Звучит очень тихо.

— Твоя мать жива, Лаура. В прошлом, когда твои родители переживали не лучшие времена, она согласилась принять участие в тестировании препарата. — Он поворачивается ко мне, я чувствую его взгляд, но по-прежнему смотрю на Мэйстон, словно каждое здание, каждый флайс и каждый неоновый щит в этом городе стали мощнейшим магнитом. — Это были закрытые исследования, за которые заплатили очень хорошо. Когда Оррис Хэдфенгер согласилась на эксперимент, она не знала о том, что беременна. Ты — часть этого эксперимента, Лаура. Я больше не уверен, что ты человек.

Мир, который я только что более-менее собрала, сейчас снова разлетается осколками. К счастью, это настолько стало привычным, что сейчас я уже не впадаю в прострацию или не пытаюсь кричать о том, что он лжет. Я просто мысленно сопоставляю факты: пламя ребенка, прорывающееся сквозь меня, которое мне удавалось контролировать. Невозможность отдать мне приказ. То, как сквозь харргалахт Бена прорывался ледяной огонь.

Пальцы сами собой тянутся к рубашке на груди, чтобы

сгрести и смять ткань в том месте, где по-прежнему стоит метка истинного пламени, но я ее отдергиваю. Мне придется приложить все силы, чтобы не думать сейчас о маме и о том, что я только что узнала. Потому что даже после всего, что произошло, для меня это — слишком.

— Она... где она? — я все-таки поворачиваюсь к нему.

— Она в коме, Лаура. — Торн холодно смотрит на меня. — Пока неизвестно, где ее спрятали, но я ее найду и во всем разберусь. Сложно сказать, как будет развиваться твоя беременность, но в Ферверне, где собраны все знания по ледяному пламени от самых истоков, от перворожденного ирлхана, убережь тебя и твоего ребенка будет проще. Еще проще будет с информацией по твоей матери и экспериментам, которую в Аронгаре тебе передадут так, как будет выгодно им.

Можно подумать, ты свою выгоду упустишь, Торн Ландерстерг.

— Хочешь сделать мне предложение? — спрашиваю я. Звучит очень двусмысленно, особенно после всего, что между нами было, но мне сейчас не до подбора слов.

— Нет. Хочу, чтобы ты поехала со мной по своей воле.

— А если я откажусь?

Никогда не думала, что этот взгляд может стать еще холоднее.

— Значит, поедешь в капсуле гeбepнaции. Что касается твоего заявления, каким бы ни был общественный резонанс, я не оставлю своего ребенка на волю случая. Час на сборы,

Лаура. И лучше не трать его на запись очередной душещипательной истории, потому что никто не поверит матери, ставшей жизнь своего ребенка под угрозу.

Он развернулся и вышел до того, как я успела ответить.

Напоследок окатив холодом, на который что-то тонко отозвалось внутри.

Несколько минут я просто стояла, пытаясь это прочувствовать. Реакцию Льдинки на отца. Но то ли она была настолько мимолетной, что уловить ее невозможно, то ли я просто сама себе это придумала, потому что больше ничего не было. Никаких откликов. Никакого проявления пламени, что само по себе было несколько странно.

Хотя где я, и где странно?

Торн рассказал мне о том, что моя мать жива и находится в коме непонятно где. Мой отец при всем при этом женился и умудрялся рассказывать мне, что я стала причиной ее смерти. Словом, начиная с рождения все то, что для других характеризуется словом «странно» для меня было нормально. Нормально — отнять у меня и у Даргела мать, а потом жениться на Ингрид?! Нормально ни словом не обмолвиться, что женщина, которая мне подарила жизнь — жива? Сколько раз я смотрела на ее фото и думала о том, как все могло бы быть!

На этой мысли я прикрыла глаза и глубоко вздохнула. Не самая лучшая идея — думать об этом сейчас. Если я не хочу превратить частную клинику в ледяной грот, разумеется.

Спасибо экспериментам.

— Лаура.

Да вы издеваетесь! Это закрытая территория или проходной двор?!

Я обернулась — на сей раз к Бену.

— Не помню, чтобы у нас была назначена встреча.

— Может, мы уже нормально поговорим?

— Зачем?

— Затем, что я знаю, к чему склоняется Халлоран.

Он приблизился, остановился напротив меня.

— Переговоры с Ландерстергом бессмысленны, и он считает, что в сложившихся обстоятельствах проще всего будет выдать тебя Ферверну.

— Это он тебе сообщил? Чтобы ты в срочном порядке побежал на мне жениться?

Бен, собиравшийся что-то сказать, осекся. Правда, потом все-таки произнес:

— Браво, Лаура. У тебя огромный потенциал.

— Мой потенциал стремительно вырос, когда я осознала, что каждый из тех, кто предлагает помощь, собирается использовать меня в своих целях.

Определенно, какая-то прелесть во всем случившемся точно была. Если раньше, не так давно, мне было больно его видеть, сейчас — уже нет. Ледяное пламя, оказывается, может не только жечь, оно еще и отличный анестетик. И здорово помогает в ситуациях, когда нужно держать эмоции под

контролем.

— Это было смело. То, что ты сделала.

Я пожала плечами. Не говорить же ему, что это был жест отчаяния. Хотя любой, кто мало-мальски разбирается в психологии, поймет, что это был жест отчаяния. Интересно, какой жест будет у меня следующим? После того, как я переоденусь в выданную мне одежду, чтобы меня выдали Ферверну (в гибернационной капсуле или без, перевязанную ленточкой).

— Хваленая защита Халлорана дала трещину, — сказала я. — Поэтому мне пришлось защищаться самой.

— Что он тебе предложил?

— Умереть.

Я все-таки отошла от окон, потому что в ином случае мне грозило врасти в пол и провести этот час в раздумьях о своей тяжелой ноше. Тяжкой, может стать, ноша и была, но я не собиралась об этом думать. Мне надо было думать о том, что я буду делать дальше. В Ферверне.

Где помимо Солливер Ригхарн еще и Арден под арестом, не считая Сэфла и Рин.

— Я рад, что ты не согласилась. — Бен подошел ко мне и сел рядом со мной на аэропостель. — Инсценировка смерти — не самое удачное начало для новой жизни.

— Доверяю мнению профессионала.

Он поморщился.

— Лаура, я действительно сожалею. Когда я во все это

ввязывался, даже не представлял, что ты станешь мне дорога. Насколько ты станешь мне дорога.

— Не надо, — я подняла руку. — Просто не надо, Бен. Давай оставим твои чувства, прошлые, настоящие и будущие, на другом плане. Иначе разговора у нас не получится. Я сейчас не то чтобы готова верить в любовь и во все хорошее.

— Ладно.

Вот и чудесно. Тем более что я все равно не представляла, о чем нам вообще говорить. Кроме как...

— Я так понимаю, что ты пришел снять харргалахт?

Бен нахмурился.

— Нет.

— Нет?

— Вообще-то, Лаура, я пришел сказать, что хочу поехать с тобой.

Видимо, молчала я слишком громко, потому что он тут же добавил:

— Тебе потребуется защита в Ферверне. Сейчас я единственный, кто сможет тебя сопровождать — потому что мы обручены.

Я покачала головой.

— Это тоже идея Халлорана?

— Моя, — Бен коснулся моего бедра. — Лаура, посмотри на меня. Несмотря на все масштабы власти Ландерстерга, тебе потребуется защита. Ото всех, кто будет не очень, или, говоря прямо, очень не рад твоему возвращению. Я буду ря-

дом с тобой круглосуточно. Не отойду от тебя ни на шаг, и в силах Халлорана выдвинуть такое требование — после твоего выступления.

— Ты кое-что забыл, Бен. Тебя выслали из Ферверна. Он усмехнулся.

— Ландерстерг считает себя единоличной властью Ферверна, но при всем при этом всегда существует возможность создать общественный резонанс. Да, он отец твоего ребенка и имеет такие же права на него, как и ты, особенно учитывая, что это — его первенец. Но он не имеет права разлучать тебя с будущим мужем, особенно в таких обстоятельствах.

— Давай я расскажу тебе, как все будет, Бен, — я раскрыла ладонь. — Даже если Халлоран сумеет продавить эту тему, в чем я сильно сомневаюсь, ты действительно сможешь поехать со мной. Но пресс-служба Торна очень быстро обыгрывает мое замужество таким образом, что, заполучив от него ребенка, я тут же прыгнула в постель к тебе. Это первое.

Я загнула палец.

— Из этой темы они выжмут все до последнего, до того, когда мои слова о любви ко Льдинке не будут иметь никакого значения. Потом, когда это случится, когда все поверят в то, что я — ветреная особа, которая решила сыграть на жалости к детям, под эгидой сохранения опасной беременности меня посадят в какой-нибудь исследовательский центр, куда тебе совершенно точно не будет доступа — потому что это секретный объект Ферверна, а ты гражданин другой страны.

Это второе.

Я загнула второй палец.

— Мне продолжать? Или ход моих мыслей тебе понятен? Странно, что все это тебе говорю я.

Он явно собирался возразить, но я подняла руку.

— Все кончено, Бен. Пора это признать. Теперь я сама за себя, и я благодарна тебе за информацию, которую ты мне дал. Все, чем ты можешь сейчас мне помочь — это максимально быстро и безболезненно снять харргалахт.

Я смотрю ему в глаза и вижу отражение себя. Такое бывает, если вглядываться в радужку, особенно в темную. Еще я вижу знакомые искры пламени, и на миг снова обжигает ставшим почти привычным для меня чувством — чувством бесконечной, безграничной неопределенности в отношении этого мужчины. Я так и не поняла, что испытываю к нему, и испытываю ли что-то вообще. Возможно, это к лучшему, потому что иначе было бы в разы больше. Сейчас и тогда, когда я узнала правду.

— Ты правда этого хочешь?

Иногда меня пугает наше созвучие.

С Торном такого никогда не было. Было все: отчуждение, страсть, сначала осторожная, а потом изматывающая любовь, но такого не было.

— Правда, Бен. Сними его. Сейчас.

Какое-то время он молчит, потом произносит:

— Тебе придется расстегнуть рубашку, Лаура.

На его лице сейчас отражается только бесконечная усталость, если и есть что-то еще, то это «что-то еще» запрятано гораздо глубже, чем у меня есть допуск. Не уверена, что этот допуск есть у него самого.

Я расстегиваю рубашку ровно настолько, чтобы был виден харргалахт. Приходится чуть потянуть ее в сторону, потому что если расстегивать дальше — это будет уже не совсем в тему, а так узор наполовину скрыт под тканью. В глазах Бена вспыхивают искры, на кончиках пальцев — пламя. Почему-то когда он касается кожи, оно почти не обжигает. Может, это теперь тоже моя особенность? Связанная с тем, во что меня превратили еще до рождения?

Уже в следующий момент я понимаю, что рано радовалась, потому что пламя «кусается». Оно не просто кусается, оно обжигает с такой силой, что слезы не наворачиваются на глаза исключительно потому, что они во мне закончились. Чтобы отвлечься, я смотрю, как пламя закручивается спиралями на его пальцах, по ощущениям, будто вытягивая себе подобное с моей кожи.

Возможно, так оно и есть.

Когда все заканчивается, Бен убирает руку, а я невольно смотрю на пылающую кожу у себя на груди. Ощущение по-прежнему такое, как будто к ней приложили раскаленный металл.

— Скоро все пройдет.

— Я зн... — я обрываю себя на полуслове. — Спасибо.

Он качает головой.

— Тебе не за что меня благодарить.

Взгляд его тоже задерживается на покрасневшей коже над грудью, и я поспешно дергаю ткань туда, где ей самое место. Застегиваю рубашку на все пуговицы. Спрашивается, зачем, сейчас все равно переодеваться (разумеется, если я не выберу путешествие в медицинской капсуле).

— Я все равно поеду в Ферверн, Лаура.

— В Ферверн ты поедешь, только когда там сменится власть.

Я слышу этот голос, и по коже бежит мороз, а может быть, этот холод я чувствую раньше, чем слышу голос — в любом случае, они неделимы. В глазах Бена вспыхивает пламя, он поднимается. Я вскакиваю следом и натыкаюсь на драконий, страшнее ледяной волны, взгляд Торна.

Глава 2

Я от него так устала. От этого взгляда.

От его обладателя. От того, что он все портит — все, к чему прикасается. По крайней мере, в моей жизни так точно. Он умудрился изгадить самое светлое, что было в моей жизни — первые месяцы осознания того, что я стану матерью. Первый раз, когда я увидела Льдинку комочком плоти, пожалуй, не успел, но только потому, что его не было рядом. И после всего этого он опять приходит ко мне в палату и сверкает тут своими ледяными глазами.

Внутри поднимается такая злость, что впору звонить Танни Ладэ-Гранхарсен и интересоваться, не занят ли ее сын.

— У меня что-то с ощущением времени, или уже прошел час? — спрашиваю я.

Получается очень колко.

— В этот час не входили разговоры с ним.

— О, — я приподнимаю брови. — А может, перечислишь, что в него входило, Торн Ландерстерг? Два раза сходить в туалет, четыре посмотреть окно, дышать строго в установленном порядке и соблюдать сердцебиением согласно мировым нормативам?

Хорошо, что тут Бен, потому что иначе я бы уже чем-нибудь в него запустила. Капельницей, например, точнее, штативом под капельницу. А может быть, и чем-то еще. Ладони

начинает привычно покалывать, поэтому я сжимаю и разжимаю пальцы.

— Выйди, — коротко командует он.

Разумеется, это относится к Бену, в глазах которого тут же вспыхивает знакомое пламя.

— Я, как бы это поточнее выразиться, Ландерстерг, не в пределах твоей юрисдикции.

— Это определенно плюс, ферн Эстфардхар. В любом случае я могу всегда запросить вас в качестве важного свидетеля, или, правильнее будет сказать, опасного подозреваемого? Который нарочно подвергал жизнь моего первенца опасности. Вряд ли вам понравится то, что за этим последует.

— А говорил, не пустишь меня в Ферверн. — Бен усмехается и делает шаг вперед.

Хрусть!

Ну что я могу сказать... я в него все-таки кое-чем запустила. Точнее, не в него, а между ними, и теперь смотрела на ледяной островок, с шипением расплзающийся на полу. Над моими пальцами клубился ледяной дымок и оба, как по команде, уставились на меня.

Ну, по крайней мере перестали мериться хвостами, и то ладно.

— Бен, оставь нас, пожалуйста, — попросила я. — Прошу тебя, потому что в случае ферна Ландерстерга моя просьба обречена.

— Я принесу Гринни, — говорит он. — Она здесь. Двумя этажами ниже.

Проходит мимо Торна, и, когда дверь за ним закрывается, Его ледяное единовластие шагает ко мне.

— Сегодня ты первый и последний раз возражала мне в присутствии кого бы то ни было, Лаура.

— Правда? — интересуюсь я, падая в ледяное небо этих глаз. — А что еще я сегодня делала в последний раз? И... ой, погоди, разве это было в первый?

Он прищуривается, а я продолжаю:

— Давай сразу рассадим всех драконов по вершинам. Я возвращаюсь с тобой по своей воле, но ты больше не станешь диктовать мне условия. Мне нужно, чтобы ты понимал, что я еду с тобой исключительно ради моей девочки. Ради ее безопасности, ради того, чтобы она родилась здоровой. Но это не значит, что я стану общаться с тобой или каким-то образом тебе подчиняться. Свою власть надо мной ты потерял в тот день, когда отказался меня слушать и со мной говорить.

— Все сказала? — по-прежнему холодно уточнил он.

— Пока — все.

— Хорошо. Потому что я забираю тебя исключительно ради безопасности своего первенца, Лаура. У меня нет ни малейшего желания управлять твоей жизнью или мешать тебе портить ее еще больше, как ты любишь это делать. Все, что мне от тебя нужно — чтобы ты родила. Здорового. Сильного. Ребенка.

— Рожу, — спокойно ответила я. — Можешь не сомневаться.

— Замечательно.

— Но твоим он не будет. Точнее, твоей. Попытаешься отнять ее у меня, Торн Ландерстерг, очень сильно об этом пожалеешь. Я уже доказала, что не остановлюсь ни перед чем. И если мне потребуется защищаться, я сделаю все. Все, чтобы моя дочь осталась со мной.

— И как ты собираешься ее воспитывать? — Торн посмотрел на меня сверху вниз, привычно, но это больше не работало. То ли я подросла, то ли просто перестала воспринимать его как... как кого?

— Ты сам сказал: я неведома зверушка. Так что сил воспитать сильного ирлхланенка у меня хватит, мне просто нужно найти хорошего наставника, не так ли? Кстати, надеюсь ты им меня обеспечишь. А еще достойным уровнем безопасности, которая у тебя хромает на обе лапы, и своевременной информацией, которая будет касаться меня и моей семьи. На таких условиях я согласна вернуться в Ферверн по своей воле. В противном случае, у меня есть еще полчаса, чтобы записать видеообращение о том, как Первый Дракон Ферверна заботится о своем первенце.

— Угроз я выслушал на целую жизнь вперед.

— Это не угрозы, а условия нашего взаимовыгодного сотрудничества. Пункты договора, если пожелаешь, в любом договоре есть санкции.

— Справедливо. В таком случае, вот мои: ты будешь выполнять все предписания моих медиков и моей службы безопасности. Показывать свой характер будешь исключительно при личных беседах — не переживай, их будет не так много. В случае нарушения первых пунктов я действительно посажу тебя в исследовательский центр и попрошу свою пресс-службу рассказать о том, почему я это сделал. В случае нарушения последнего, я надену на тебя таэрран.

— Ферверн всегда был противником таэрран, — хмыкнула я.

— Историю ты знаешь хорошо, я в курсе. Но перемены неизбежны, Лаура Фил. Искренне надеюсь, что мы друг друга поняли, и... — он бросил взгляд на часы на запястье. — У тебя осталось двадцать семь минут и тридцать одна секунда, чтобы собраться. Эстфардхара к тебе больше не пустят, так что ты допустила ошибку, когда с ним не попрощалась.

Я прикрыла глаза, чтобы не сказать лишнего.

— Ты не посадишь меня в тюрьму. И не станешь выбирать, с кем мне общаться!

— В тюрьму? Ну что ты, Лаура, — он покачал головой. — Я как никто забочусь о твоей безопасности и сохранности твоего здоровья. Как думаешь, встреча с агентом вражеской разведки попадает в список допустимых для этого мероприятий?

Его зрачок дернулся, и пламя снова кольнуло в ладони. Кольнуло неправильно, словно безумно стремясь... слиться

с его?!

— Я тебя ненавижу! — выдохнула я.

— Взаимно, ферна Хэдфенгер. Или Фил, признаться, мне это совершенно безразлично.

Он снова направился к дверям, а я подавила желание запустить в него снежком, развернулась и пошла переодеваться.

Это куда лучше, чем думать обо всяких ледяных.

Одежду мне, разумеется, принесли новую. Через пятнадцать минут из тех двадцати семи, которые выдали на сборы (оставшиеся от безрассудно — по мнению Торна — потраченного на Бена времени), и я, разумеется, ее не надела. Из принципа надела то платье, в котором летала в Зингспридскую пустошь, хотя и довольно смутно представляла себе, как пойду в этом самом платье по парковке Хайрмарга, и в легких летних туфлях тоже.

Если честно, мне было без разницы. Кто у нас там первое лицо Ферверна? Вот пусть и выкручивается, как хочет.

— Ты в этом поедешь? — в палату добавилось кондиционирования, когда Его ледяное величие заявилось в назначенное время.

— Да. Мне не хватило времени переодеться, Торн. Когда принесли новую одежду, я побоялась, что не уложусь в твой график.

— Того, что я заставляю тебя переодеваться в своем при-

сутствии, ты не побоялась?

— Нет. Надо? — Я завела руки за спину, чтобы расстегнуть замок, и не без наслаждения отметила, как изменилось лицо дракона номер один.

— Мы опаздываем, — резко произнес он. После чего сдернул с пальто, которое доставили вместе со строгим костюмом, чехол, и завернул меня в его содержимое наподобие пледа. Была бы возможность, еще и пояс бы завязал, причем поверх, как в смирительной рубашке. Судя по выражению лица, ему этого безумно хотелось.

Хотелось, но не оставалось ничего другого, кроме как ждать, пока я застегиваю пуговицу за пуговицей.

— Сапоги, — скомандовали мне.

Я пожала плечами и принялась открывать коробку. Тоже очень медленно.

Сверху донеслось рычание, и рядом со мной склонилось Его ир்தханское драконобесподобие. Крышку от коробки постигла участь чехла, а вслед за ней улетели всякие уплотнители для носов и пяток, сохраняющие обуви форму.

— Вперед, — скомандовал Торн, вручая сапожки мне.

— Мне наклоняться сложно. Голова кружится, — сообщила я. — Поможешь?

И, невинно хлопнув глазами, протянула обувь ему. Второй раз за последние несколько минут лицо у него стало такое, словно он пытался понять, как это могло случиться с ним.

— Нет? Ну тогда я сама. Сейчас, только в кресло сяду.

Кажется, я услышала натуральное рычание, ничем другим этот выдох просто не мог являться. У меня отобрали сапожки с таким видом, что я на миг с ними попрощалась. Сейчас превратятся в ледяные и развалятся у меня на глазах — а между прочим, дорогие были. От Эгго Хьюса.

— Ногу, — это было сказано таким тоном, что впору было за нее опасаться.

Тем не менее смотреть на Торна сверху вниз было непривычно, возможно, именно поэтому страх не шел. Зато шло что-то другое, когда его пальцы скользили по коже вслед за молнией. По коже, не прикрытой даже тонкой преградой чулок, от которых я в последнее время совсем отвыкла.

С кровати на нас с интересом взидала Гринни, которая решила поспать перед новым путешествием. Видимо, в последнее время она к ним настолько привыкла, что даже перестала переживать по этому поводу.

— Ай, — сказала я, когда Торн слишком резко дернул замок на сапоге.

Он поднял голову, и взгляд у него был просто убийственный.

— Я сейчас безумно чувствительная, — я глубоко вздохнула. — Судя по всему, беременность так сказывается.

Это был скрежет зубов дракона или просто под ботинки Торна на полу что-то попало, я так и не поняла. Когда второй сапог был застегнут, а дракон номер один поднялся, мне

указали на дверь. Я попыталась было шагнуть к Гринни, но Торн преградил мне дорогу. Сам подхватил изрядно подросшего зверя на руки и на выходе сунул его в руки одному из мергхандаров.

— Осторожнее с ней, она кусается, — предупредила я.

Правда, судя по выражению гринниморды, все, что она сейчас хотела — спать. Убедившись, что нас с ней не разлучают, и что мергхандар движется в правильном направлении, то есть в ту же сторону, что и я, виари прикрыла глаза и положила на мергхандара хвост. В прямом и переносном смысле.

До самого флайса мы с Торном больше не разговаривали, и с нами тоже особо никто не разговаривал. Халлоран попрощаться не пожелал — видимо, не проникся моим выступлением по поводу его предложения, а Бен... Бена ко мне предсказуемо не пустили. Когда он принес Гринни, я успела только перехватить его взгляд, а потом просто закрыла дверь. Не сказать даже, что по чьему-то приказу, просто поняла, что так будет проще.

Нас связывало слишком много и в то же время абсолютно ничего, чтобы сейчас растягивать это прощание.

Парковка, на которую мы вышли, была накрыта защитным куполом. Никакого транспорта, кроме нашего и флайсов сопровождения, здесь не было. Вальцгарды стояли по периметру, пока мы всей крайне занимательной процессией двигались к машинам.

Напоследок я обернулась — чтобы посмотреть на Мэйстон.

Так получилось, что этот город стал для меня своеобразным символом перерождения, и я пообещала себе и ему (мысленно), что обязательно вернусь сюда с Лыдинкой, когда она чуть-чуть подрастет. Отметила разбросанные по воде острова, заполненные высотками, знаменитый на весь мир мост — кажется, он просто назывался Центральный, и высотку Лаувайс, аналог фервернской Айрлэнгер Харддарк, после чего шагнула к распахнутой двери флайса.

Торн сел следом за мной, и мы оказались друг напротив друга.

Как в старые-добрые времена.

Те времена действительно можно было назвать добрыми, а вот настоящие... пока что я не определилась, какую им придумать характеристику. Торн коснулся капли наушника, коротко ответил:

— Да, — и наш флайс плавно взмыл в воздух.

Я увидела, как по защитному куполу прошла рябь, и спустя минуту наш кордон был уже на Верхней аэромагистральной, специально расчищенной для нас.

Поскольку с городом я уже попрощалась, смотреть в окно больше не стала.

Достала мобильный и, смахнув сотню непринятых вызовов, открыла живую ленту. Помимо подсуетившихся репортеров, быстренько подхвативших эту тему по всему миру,

мне писали самые обычные люди. В личку, под видео — люди изо всех уголков мира, иногда скрытые за аватарками мультяшных героев или экзотических мест, иногда с фото крупным планом, иногда на фото держащие на руках своих детей — тем не менее все они выражали мне свою поддержку.

Двадцать две с половиной тысячи комментариев, число которых росло с каждой минутой.

«Мы с тобой!»

«Держись, Лаура!»

«Ничего не бойся!»

«Вот наблы! Ничего, на всех найдется управа!»

«Ты даже не представляешь, как я тебя понимаю. В свое время мой муж...»

— Довольна? — Ледяной голос вернул меня в реальность. Я неосознанно подняла голову, ударившись о холод в синих глазах. — Довольна тем, что ты устроила, Лаура?

— Что я устроила? — уточняю.

Хотя мне хочется спросить это совершенно иначе, сейчас не время. Не уверена, что когда-нибудь еще наступит такое время, и я буду спрашивать его о чем-то иначе.

— Это шоу, — он кивает на мой смартфон.

— Это не шоу, это самозащита, — говорю я. — Должна же я была найти хоть кого-то, кто действительно готов меня защищать, при этом не используя в своих целях. Сейчас их...

Я смотрю на стремительно растущую цифру коммента-

ев.

— Уже двадцать семь тысяч. Двадцать семь тысяч человек, которым совершенно ничего от меня не нужно, и которые выражают мне свою поддержку. Просто так.

Торн прищуривается.

— По-твоему, это игрушки, Лаура?

— Моя жизнь? Жизнь моей дочери? Определенно нет, — по ощущениям, мой взгляд сейчас холоднее его. — А теперь, если не возражаешь, я бы хотела минут пять посидеть в тишине и с закрытыми глазами.

Разумеется, я вру, но вру достаточно убедительно. Убедительно для того, чтобы закончить этот разговор, а самой не сорваться в совершенно бессмысленные упреки. Вроде тех, что «Какого набла я должна была бегать по странам от отца своего ребенка?!» — или — «Почему когда ко мне в квартиру завалились вооруженные до зубов убийцы, ты ходил под ручку со своей Солливер?!»

Проблема в том, что она действительно его Солливер, а я — больше не его Лаура. Деловое соглашение, которое между нами, держится на хрупкой замерзшей ниточке, и в моих же интересах, чтобы эта ниточка дожила до рождения Льдинки. Потом, думаю, будет не легче, но потом я хотя бы буду спокойна, что мои чувства никак не повлияют на нее. Сейчас я не могу себе позволять никаких эмоциональных всплесков, потому что отвечаю не только за себя, но и за свою кроху.

У меня почему-то холодные руки, но я подавляю желание

спрятать их в карманы пальто, равно как и обхватить себя руками тоже. Это такие беззащитные жесты, а ему я свою беззащитность показывать не собираюсь.

— Лаура, — слышу его голос.

— Что?! — это получается резче, чем я рассчитывала.

— Я не хочу быть тебе врагом.

Нет, ну это уже слишком.

— Не хочешь — не будь, — отрезаю я и снова закрываю глаза.

К счастью для всех, больше он разговаривать не пытается, а я справляюсь с нахлынувшими на меня чувствами гораздо быстрее, чем сделала бы это раньше. Возможно, мне это только кажется, но когда мы подлетаем к Мэйстон-телепорт, меня уже не трясет от непролитых слез и желания высказать ему все.

ВИП-парковка, разумеется, свободна от журналистов, но не здание, в которое мы заходим. Здесь тоже кордон вальцгардов, через которые не пробиться, но это не мешает особо активным кричать из-за спин военных:

— Ферн Ландерстерг, как вы можете прокомментировать видео?!

— Лаура! Всего один вопрос!

— Вы уезжаете по своей воле?!

— Что вы можете сказать...

— Лаура!

Мне кажется, что это никогда не закончится, но благода-

ря совместным усилиям вальцгардов и мергхандаров, а еще, разумеется, особому, короткому коридору для ВИП-персон, мы оказываемся в закрытом холле очень быстро, оставив за собой и волну журналистов, и глазеющую на нас со всех ярусов огромного пассажирского зала толпу.

Сотрудница Мэйстон-телепорт, в темно-зеленой форме и белой блузке, с оранжевым шейным платком, вежливо улыбается:

— Ферн Ландерстерг, добро пожаловать на частный рейс. Ферна Фил.

Я смотрю на надпись за ее спиной, и меня чуть не проби-вает на смех.

«Зал номер один».

Смех я вовремя сдерживаю, потому что понимаю, что это будет больше напоминать нервное хихиканье. Внутри зала мягкие удобные диванчики, зона, где я могу съесть все, что может влезть, а заодно посмотреть визор, чтобы скоротать время, пока ожидаем перехода. Стоит мне поднять глаза, как я тут же понимаю, что там показывают нас, идущих сквозь толпу. Сотрудница телепорта оказывается понимающей и быстро переключает на музыкальный канал.

Тут уже впору хвататься за голову, потому что на экране — клип Сибриллы Ритхарсон на ее наблову новую песню, которую она исполняла у нас на вроде как помолвке. На Тор-на я принципиально не смотрю, поэтому не знаю, как он реагирует, сама же отворачиваюсь, беру тарелку с первой по-

павшейся на глаза выпечкой и подхожу к окну.

Разве так все должно быть?

Разве я должна сейчас стоять, не имея ни возможности, ни желания, прямо сказать обо всем, что меня тревожит?

Я оборачиваюсь и врезаюсь во взгляд Торна: он смотрит на меня.

— Мост свободен, — комментирует сотрудница телепорта, — можете проходить в зал перехода.

Мы проходим. Привычная процедура, когда нужно приложить ладонь к сканеру, чтобы получить допуск на переход, сопровождается комментарием Торна:

— Она беременна.

Это сказано таким тоном, что портпроводник слегка бледнеет и смотрит на сидящих за пультом управления телепортационным кольцом, как будто они могут ему помочь и спасти.

— Ферн Ландерстерг, беременность не является противопоказанием, — комментирует он. — Все показатели ферны Фил в норме.

— Руку, Лаура.

Я хотела сказать, что вполне могу пройти через телепорт сама, но передумала. Во-первых, у нас была договоренность, что я с ним не спорю на людях (и отнюдь не из-за таэрран, а из-за того, что выполнять условия соглашения должны оба), а во-вторых... я так и не придумала, что там во-вторых, поэтому просто вложила руку ему в ладонь. Пальцы привыч-

но кольнуло холодом, правда, на этот раз я не смогла понять чьим — моим или нашим со Льдинкой.

Это прикосновение на миг выдернуло меня в прошлое, когда его ладонь касалась моей, а наши пальцы сплетались. Поэтому телепортационный переход — ощущение, что ты в чем-то увязаешь, взлетаешь, а после тебя выплевывает с высоты, как-то прошло мимо. Я едва успела опомниться, когда осознала, что мы — в резиденции, и это, пожалуй, было все, что я успела.

Потому что дверь распахнулась, в зал влетела Солливер Ригхарн и со словами:

— Ох, Торн, я так волновалась, — бросилась ему на шею.

Глава 3

Меня сейчас стошнит.

Не уверена, что не буквально, потому что волна тошноты поднимается неожиданно и отказывается отступать. В тот самый момент, когда Торну приходится отпустить мою руку, чтобы отцепить от себя брошку Солливер и прокомментировать:

— Что ты здесь делаешь? — меня начинает тошнить еще сильнее.

— Извините, — сообщаю я и опрометью бросаюсь к дверям, потому что смутно (по памяти) еще представляю, где здесь туалет.

Ближайший — вон за тем поворотом, очевидно, созданный для тех, кого слегка уболтало в телепортационных волнах. Или просто для меня было слишком много этих телепортационных волн. Он даже не гостевой, я не представляю, как его назвать, это просто огромный роскошный санузел, в который я вовремя влетаю, оставив позади счастливых жениха и невесту, Тиуса и добрый взвод мергхандаров. К тому моменту, когда во мне заканчивается то, чего быть не должно было в принципе — по-моему, я не ела очень и очень давно, вся эта команда зависает в дверях.

Точнее, первым заходит Торн, за ним просачивается Солливер, Тиус и мергхандары остаются на заднем плане.

— Вы шутите? — спрашиваю я, отводя волосы за спину.

— Мне даже блевануть нельзя в одиночестве?

Знаю, что «блевануть» — это звучит грубо, но мне сейчас не до светских бесед. Меня только что вырвало, желудок до сих пор в бунте, и последняя, кого я хочу при этом видеть — Солливер Ригхарн. Торн здесь тоже совершенно лишний, надеюсь, я донесла это до них с первого раза.

— Драконы, Торн! — выдает будущая первая ферна Ферверна. — Она же беременна!

Да вы что?!

Прежде чем я успеваю подняться, Солливер подбегает ко мне:

— Лаура, ты как?

Меня. Опять. Тошнит.

Может, это реакция не на телепорт?

— Сможешь подняться? — продолжает вирчать она. — Давай я тебе помогу.

Она наклоняется ко мне так близко, что я могу рассмотреть даже золотистые крапинки в ее больших зеленых глазах. А еще у нее духи... набловы духи!

Меня снова выворачивает, и Солливер отшатывается так резко, словно боится за свое идеально сидящее платье. В этот момент к нам приближается Торн, берет ее за локоть и вытаскивает за дверь. Дверь захлопывается, слава всем драконам, и я остаюсь одна! Желудок еще продолжает нервно подергиваться, но больше в нем, кажется, не осталось ни ча-

стички того, с чем можно расстаться. Поэтому я медленно поднимаюсь, нажимаю на слив и подхожу к раковине.

Умываюсь, вглядываясь в свое отражение — бледное, с глазами на пол-лица.

Да, Солливер Ригхарн определенно в мою картину мира не вписывалась. По крайней мере, не так скоро. Разумеется, я понимала, что рано или поздно наши пути сойдутся, но надеялась, что это произойдет поздно, а не рано.

Что ж, не всем надеждам суждено сбываться. Кому как не мне это знать.

Я достаю запакрованную одноразовую расческу, привожу волосы в порядок. Наконец-то расстегиваю пальто, чуть пощипываю щеки, чтобы не напоминать собственную тень, и выхожу в коридор. Здесь, к счастью, поубавилось сопровождения. К еще большему счастью, поубавилось правильно: ушел дворецкий, несколько мергхандаров и Солливер Ригхарн. Можно надеяться, что до ближайшей комнаты я дойду без тошноты и головокружения?

— Ты как? — Торн вглядывается в мое лицо.

— Твоя невеста только что интересовалась тем же.

Драконы, укусите меня в язык! Ладно, что сказано, то сказано.

— Чудесно, — добавляю, хотя перебить уже сказанное вряд ли получится. — Хочу как можно скорее остаться одна и поспать. У меня окончательно перемешались все часовые пояса.

— Здесь раннее утро, — произносит Торн. — Или глубокая ночь.

— Значит, все в тему. И еще я хочу увидеть Верража.

— Это подождет до утра.

— Не подождет. Тем более что ты только что сказал, что здесь раннее утро.

Гринни, которую мергхандар несет на руках, вдруг оживляется. Я замечаю это, потому что она начинает вирчать, даже оборачиваюсь.

— Отпусти, — командует Торн.

Виари опускают на пол, и она, скрежеща когтями, улетает вдаль, скрывается за поворотом.

— Она его чувствует, — говорю я. — Но это же...

Понимаю, что мы идем как-то совершенно иначе. Коридоры мне незнакомы, холодные, больше похожи на складские помещения.

— Придется зайти с другой стороны, — говорит он. — Знакомое тебе крыло пострадало во время оборота. Через холл в него не попасть.

Ты обернулся здесь?!

Вопрос застывает на губах, я буквально глотаю его. Мне совершенно точно не стоит вести с ним такие беседы, особенно учитывая, что с нами под одной крышей его невеста. Которая... ой, нет. Поблизости нет туалета.

У закрытых дверей приплясывает Гринни, колотит хвостом — от нетерпения. Оглядывается на меня: ну давай же,

быстрее, быстрее!!! Стоит мергхандару приложить ладонь, дверь уезжает в сторону, и виари устремляется вперед.

Сейчас мы уже в доме, правда, пока в нежилой его части. Комнаты в основном запечатаны, даже двери еще оклеены строительной защитой от повреждений. Где начинается жилая, становится понятно по работающим вмонтированным в стену светильникам-полоскам и пляшущей перед одной из дверей Гринни.

— Он здесь, — говорит Торн. — Но он давно тебя не видел, Лаура.

— Он меня любит, — отвечаю я.

Дожидаюсь, пока он откроет дверь, вхожу следом за верещащей виари, превратившейся в шустрый летающий ком, и за Торном. Комната не похожа на ту, где Верраж с Гринни жили раньше, она пустая и необжитая, но здесь валяются их игрушки. Виари нарезает круги вокруг ошалевшего от таких событий драконенка, который стоит, растопылив чешуйки.

На меня он смотрит так, будто не верит своим глазам.

Замирает на месте, только кончик хвоста подергивается, зрачки раскрываются и стягиваются в тоненькие полоски.

— Верраж, — я опускаюсь на корточки, протягиваю ему руки. — Иди ко мне.

Драконенок подходит — осторожно, медленно. Так же осторожно тыкается носом мне в одну руку, в другую, потом в плечо. Не обращая внимание на радостное верещание Гринни, шумно вздыхает, а потом обнимает меня крыльями

и начинает урчать.

Он урчит так громко, что это передается мне, от кончиков пальцев, которыми я касаюсь горячих растопыренных чешуек, до самых пяток, на которых сижу в коконе из крыльев.

— Прости, — говорю еле слышно. — Я не хотела от тебя уходить. Я больше никогда тебя не оставлю, слышишь?

Урчание становится еще громче, хотя куда уж громче — непонятно. Вдобавок ко всему раздается шуршание, и снизу в наш кокон заползает Гринни. Выражение морды обиженного: «Что это вы тут без меня обнимаетесь»?!

Я кладу вторую руку ей на голову и впервые за долгое время чувствую себя невыносимо счастливой. Ровно до тех пор, пока не раздается покашливание. Приходится отодвинуть крыло и выглянуть из-за него: Торн смотрит на нас крайне выразительно.

— Ты хотела спать, Лаура.

— Да, но я передумала насчет остаться одной. Я хочу остаться с ними.

— Здесь ничего не обустроено.

— Мне вполне хватит вот этого, — киваю на матрас, который, очевидно, служит лежанкой для Верража.

Кажется, мне удалось перебить эффект от сапожек: лицо Дракона номер один очень сильно вытягивается.

— Очень смешно. Пойдем.

— А я не смеюсь, мне не привыкать к походным условиям, — поднимаюсь, но Верраж от меня не отходит. Просто стоит

рядом и урчит. — Я не собираюсь бросать его сейчас. Снова.
— Тебе нужны нормальные условия. И безопасность.
— Самые нормальные условия в Ферверне — рядом с ним. Не говоря уже о том, что рядом с ним самое безопасное место во всем Хайрмарге.

То, что Верраж кому угодно откусит за меня голову, я просто знаю. Сама не представляю, как, но знаю — возможно, это знание приходит с пламенем, а может быть, это просто чувства и интуиция.

— Лаура, — жестко произносит Дракон номер один.

— Торн, я останусь с ними, — отвечаю не менее жестко.

Дракон смотрит на меня — я на него, раньше мне хватало минуты, чтобы под этим взглядом начать ледяную кристаллизацию, но сейчас, видимо, мои температурные режимы несколько изменились. Поэтому я спокойно выдерживаю его холод, и наши гляделки продолжают.

Чтобы потом очень резко закончиться.

Торн выходит за дверь, вместо него появляется мерг-хандар. Я замечаю в мисках нетронутую еду и хмурюсь:

— Опять тебя кормить? Ну что ты как маленький.

Показываю на корм.

Верраж не двигается с места, только когда я приближаюсь к месту кормления, следует за мной.

— Ешь.

Драконенок осторожно опускает голову, но тут же ее поднимает.

— Я никуда не уйду. Ешь.

Раздается хруст. Гринни с любопытством следит за кормежкой, а потом буквально влезает между Верражем и миской и хватает его корм. Этот кусок — размером с ее голову, тем не менее она гордо волочет его по полу, после чего укладывается у окна и принимается грызть с видом победительницы. Д — добыча!

Мергхандар снова сменяется Торном, и я поворачиваюсь.

— Кровать поставят сюда. Временно, — говорит он. — Ты не можешь постоянно жить в зверинце.

— Почему? — интересуюсь я.

— Лаура, хватит.

— Что — хватит? Я просто задала вопрос.

— Ты бессовестно пользуешься своим положением.

— А ты бессовестно пользуешься властью. Мне кажется, сейчас мы впервые на равных условиях.

Прежде чем Торн успевает ответить, я говорю:

— Мне нужно увидеться с отцом. Пусть по видеосвязи, но это важно. Я хочу с ним поговорить о матери.

— Ты сможешь увидеться с ним лицом к лицу. Твоя семья вернулась в Ферверн.

От неожиданности я не сразу нахожусь, что ответить, а потом приносят кровать. С помощью специальных контуров аэропереноски разворачивают прямо над полом — так, чтобы она прошла в дверь целиком, после устанавливают у противоположной матрасу Верража стены. Следом за мерг-

хандарами приходят горничные, которые ее застилают.

Здороваются, с опаской косятся на Верража, но драконенок просто сидит и наблюдает, Гринни — тоже. Для них это все в новинку, только когда слишком длинный край простыни падает на пол и виари пытается цапнуть ее зубами, Торн командует:

— Сидеть, — и виаренок прирастает к месту.

До тех пор, пока горничные не заканчивают и не исчезают за дверью.

— Свободна, — говорит он Гринни, касается кнопки включения встроенного камина и поворачивается ко мне: — В душ тебе все равно придется идти в другую комнату. Здесь еще не установили сантехнику. Пока будешь в ванной, все прогреется.

Я киваю.

— Хорошо.

— Довольна?

— Ты сегодня об этом уже спрашивал. И да, ответ снова положительный, — я направляюсь к дверям, но Торн меня останавливает.

Просто шагает наперерез, и чтобы мне не влететь в мощную драконью грудь, приходится резко сбавить скорость.

— Мы еще не закончили, Лаура. Нам нужно обсудить вопрос наставничества.

От этого взгляда — совершенно непохожего на тот, что был некоторое время назад, более глубокого, сильного,

яростного — начинает покалывать подушечки пальцев. Не знаю, как его чувствует Льдинка, но я его чувствую на двести пятьдесят процентов. Раньше такого не было.

— Для меня это уже вопрос решенный, — пожимаю плечами.

Торн приподнимает брови.

— Я хочу в наставники Ардена.

— Нет.

Это звучит резко, холодно и жестко.

— Это единственный человек, — я смотрю ему в глаза, — из твоего окружения, которому я доверяю. К тому же, он врач, и, насколько мне известно, хороший.

— Ему не доверяю я.

Кажется, мы плавно подошли к тому, почему Арден оказался в тюрьме.

— Почему?

— Это неважно. Достаточно того, что ты слышала, Лаура.

— Мне — нет. Мне нужны причины, чтобы не доверять кому-то. Чтобы понять, почему я не могу попросить этого человека... прости, ирлхана, себе в наставники. Причины, Торн, а не ответы в стиле: «Моя ледяная драконья задница так изволит». В противном случае я могу решить, что мы вернулись к тому, от чего ушли, и что нам просто наплевать на наши договоренности. Надеюсь, что это не так.

Вряд ли камину под силу справиться с тем, как резко хо-

лодает в комнате.

— Ты играешь с огнем.

— Скорее, со льдом. А ты говоришь, как киношный злодей.

Собиравшийся продолжать Торн на мгновение замолкает, зато я точно больше молчать не намерена.

— Когда я была в Рагране, Арден был единственным, кто говорил со мной нормально. Единственным, кто не имел каких-то скрытых мотивов и не рычал на меня так, что мне грозило родить прямо сейчас. Он рассказал мне обо всем, что меня ждет. Честно. К сожалению, я его не послушала. Арден просил меня вернуться в Ферверн, говорил, что только здесь я буду в безопасности. Именно поэтому я хочу в наставники его, Торн. Потому что ему я верю. И считаю, что Льдинка будет в безопасности только с ним. Как я уже сказала, безопасность моей дочери — превыше всего. Поэтому если у тебя есть аргументы, по которым мне не стоит ему доверять, я их внимательно слушаю.

Нас тоже внимательно слушают. Двое. Две пары глаз уставились на нас — Гринни и Верраж сидят бок о бок и сопят. Даже не представляю, сколько им придется так сидеть, а мне так стоять, но ничего. Я терпеливая.

Подожду.

Зрачки Торна едва уловимо подергиваются, заостряясь кверху и книзу, но звериными так и не становятся. Наконец, он произносит:

— Арден в тюрьме.

— Я знаю.

Когда я просила в его наставники, я не задумывалась о том, что буду говорить. Но вот что удивительно — слова приходят сами собой.

— Откуда? — голос Торна становится еще холоднее.

«От дракона», — хочется сказать мне. Вместо этого я отвечаю:

— Мне звонил отец Эллегрин Рэгстерн. Просил передать, что его дочь очень встревожена по этому поводу, и что я должна сделать все, что от меня зависит, чтобы заставить тебя передумать. Именно в тот момент я тебя набрала, Торн.

— Ты звонила мне, чтобы просить за него?

— Да.

Его зрачки все-таки вытягиваются в вертикаль, и в этот момент Гринни с Верражем пригибаются к полу, а у меня по коже прокатывается пламя. Знакомое пламя, только с утроенной силой, и что-то с не менее яростной силой отзывается на это пламя внутри.

— Он отказался выполнить мой приказ.

— Какой?

— Это не имеет значения. Тот, кто не подчиняется приказам, будучи на военной службе, потенциально опасен.

— Еще как имеет, Торн. Жизнь — это не военная служба, и мы не на войне. Но ты, видимо, считаешь, что все только и обязаны делать, что исполнять твои приказы, — слова сры-

ваются с губ — видимо, той самой силой, что швыряет меня к нему. Я приближаюсь почти вплотную, обжигаясь о лед его глаз. — Но это так не работает.

— А как это работает? — «Р» получается рычащей, возможно, именно поэтому внутри тоже рождается рычание. Рычание, а еще желание сократить оставшийся между нами минимум на уровне тел и огней. За несколько мгновений до этого я просто отступаю назад.

— По-разному, — говорю я. — У всех по-разному, Торн. В разговорах. В компромиссах. В откровенности.

Стягиваю пальто и бросаю его поверх покрывала на кровать.

— Попробуй. Тебе понравится.

Не дожидаясь ответа, обхожу его и направляюсь к двери. Оборачиваюсь только чтобы сказать:

— Мне нужен Арден. Больше я никого не приму.

На этот раз он не пытается меня остановить, до комнаты, которая должна была стать моей, меня провожают мергхандары, и там же я принимаю душ. Смываю с себя все напряжение последнего времени, а вместе с ним — остатки жалеющего кожу ледяного пламени. Свое (или Лыдинкино, или наше) я смыть не могу, поэтому оно бьется внутри. Прислонившись к дверям душевой кабины, кладу руки на живот:

— Давай не будем так остро реагировать на твоего папу. Иначе ничем хорошим это не кончится.

Кому я это говорю?

Ей? Или себе?

Чтобы выиграть немного времени, вытираю волосы полотенцем. Кажется, я вытираю их столько, что можно уже не сушить, но потом все равно сушу. Когда они начинают разлетаться в стороны от теплого воздуха, выключаю фен, заворачиваюсь в халат и возвращаюсь в комнату.

Торн по-прежнему там, а вот зверей нет.

— Их увели на прогулку, — комментирует он, а потом протягивает мне электронный браслет. — Медицинский. Снимать его не стоит, он будет отслеживать колебания твоего пламени на протяжении всей беременности.

«Колебания пламени» и «на протяжении всей беременности» очень хорошо возвращают в реальность. Первое — потому что я никак не могу привыкнуть к тому, что у меня есть пламя, а у него есть колебания, второе — потому что это четко обозначает: на время беременности ему есть до меня дело, потом я могу хоть самозаморозиться.

К счастью, я слишком устала, чтобы об этом думать, а тем более чтобы по этому поводу переживать.

— Так и будешь здесь стоять? — интересуюсь у Торна, который отвернулся к окну.

— Да.

— Тогда доброй ночи.

Я залезаю под одеяло прямо в халате, поворачиваюсь к окну спиной. Его присутствие от этого более далеким не становится, но так я хотя бы его не вижу. Закрываю глаза, но сон

не идет. Несмотря на всю усталость, я лежу и считаю виарчиков до тех пор, пока с прогулки не возвращаются Гринни и Верраж, от которых пахнет морозом и снегом. Первая с разбегу запрыгивает ко мне на постель, мокрой лапой наступает мне на руку.

— Эй!

Сзади раздается «грюк» и кровать скрипит: это прибыл Верраж. Драконенок отлично размещается на второй половине кровати, шумно вздыхает и снова заводит моторчик. Согнать их просто рука не поднимается, к тому же, я ведь этого и добивалась — быть с ними. Поэтому устраиваюсь поудобнее, подтягивая одеяло, насколько это возможно, потому что Верраж его придавил плотно. И, как ни странно, в окружении урчаще-сопящих почти мгновенно проваливаюсь в сон.

Глава 4

Торнгер Ландерстерг

Когда все стало так сложно?

В ту минуту, когда дракон рванулся к ней, обжигаясь о чужую печать, отшатнулся, не веря тому, что случилось? Или когда я сам увидел ее уже без харргалахт, а рядом с ней — того, кто ее поставил и кто только что ее снял? Того, кто касался ее кожи и кого хотелось скрутить и вышвырнуть за дверь, невзирая на то, как это будет выглядеть?

Даже тогда, когда она попросила его уйти.

Даже тогда, когда я вышел сам, чтобы наткнуться на него в коридоре у лифтов.

— Далеко собрался, Ландерстерг? — поинтересовался Эстфардхар, сунув руки в карманы. Он совершенно точно нарывался, и, если честно, сейчас отчаянно хотелось поддаться этому чувству. Отбросить все, что мешало — начиная от собственного статуса и окружающих нас мергхандаров, и от души отполировать его физиономией двери лифта.

— Свободны, — сказал я сопровождению.

И, когда мы остались одни, шагнул к нему.

— Если ты еще раз возникнешь на моем пути, очень сильно об этом пожалеешь.

— Угу, — Эстфардхар кивнул. — А теперь послушай меня, всесильный правитель Всея Морозильника. Эта девочка, которую ты сейчас оставил за дверями, не знала о том, что беременна. Когда я ее увез, она была в шоке. Иначе не побегала бы покупать тот наблов тест на беременность, хотя я ее предупредил о твоей паранойе. Все это время она с ума сходила из-за того, что ее ребенок будет расти без отца. Без настоящего, по ее мнению отца, хотя я предлагал ей весь мир. И надо признаться, в последнее время вполне искренне. Я мог бы сделать ее счастливой, но ей это было не нужно, ей не нужен был я. Между нами ничего не было. Она согласилась на харргалахт только потому, что боялась потерять свою дочь. И да, я этим воспользовался, потому что на тот момент был ничем не лучше тебя. Не уверен, что лучше сейчас, но в одном я уверен точно, Ландерстерг. Если ты причинишь ей боль, если ты позволишь кому-то причинить ей боль, я тебя найду и убью.

— Начни со своего отчима, — сказал я. — И уйди с дороги.

Эстфардхар медленно отступил, а я коснулся наушника, возвращая мергхандаров, и вместе с сопровождением шагнул в лифт. Не вполне осознавая, зачем.

В центральном холле был кофейный автомат, к нему я и направился.

Возможно, все стало непросто именно в тот момент, когда я пытался избавиться от звучащих в сознании слов Эстафар-

дхара «между нами ничего не было», а может быть, именно тогда, когда увидел ее в простом летнем платье, снова бросающей мне вызов. Женщиной, которая действительно готова сражаться за свою дочь.

Когда взял ее руку в свою, на миг ударившись о слишком далекие воспоминания.

Или когда увидел ее спящей. Я продолжал на нее смотреть, на то, как подрагивают густые ресницы, как приоткрываются губы, когда она глубоко вздыхает — ей что-то снилось. Смотрел и испытывал безотчетное желание склониться над ней и позволить зверю внутри себя снова почувствовать то, что она свободна.

Увы, позволить себе подобное я не мог.

Не только потому, что в кабинете меня ждала Солливер — хотя и поэтому тоже, но потому, что после этого все станет гораздо сложнее, чем есть сейчас. Признавший свою пару дракон никого другого не примет, он и до этого умудрялся выдавить меня из моего собственного сознания. Что станет, если я позволю ему пробиться сквозь боль ее несвободы, до сих пор звучащую во мне отголосками, я представлял смутно.

И проверять не хотел.

Поэтому, напоследок взглянув на спящее трио, вышел из комнаты. Стоявшие по обе стороны от дверей мергхандары вытянулись в струны. Я бросил на них короткий взгляд и направился в сторону кабинета, на ходу набрал Роудхорна.

— Мне нужно, чтобы ты подобрал людей, которым доверяешь лично. Для ее защиты, до завтрашнего утра.

— Сделаю.

— Семья Хэдфенгер?

— Они у себя дома. Их квартира еще не продана.

— Им тоже потребуется охрана.

— Понял.

Чтобы попасть в кабинет, мне пришлось пройти под открытым небом. Завалы после оборота уже расчистили, но восстановительные работы начнутся только утром. Разумеется, все будет сделано быстро, но пока что пришлось пройти между изломов стен и развороченных комнат. Прежде чем оказаться перед дверью кабинета и толкнуть ее.

Солливер сидела на диване, закинув ногу на ногу, заметив меня поднялась.

— Я поддерживаю твое решение привезти ее, Торн, но это... — она кивнула на дверь. — Совершенно точно недопустимо.

— Совершенно точно недопустимо — что? — уточняю я, проходя в кабинет и опускаясь в кресло. Можно было остаться стоять, но я впервые за долгое время чувствую себя простым смертным мужчиной. Который смертельно хочет спать.

Не знаю, что в этом самое дикое — сравнение меня с простым смертным в собственных мыслях или же то, что я хочу спать. Не просто хочу, у меня глаза закрываются. Им не позволяют это сделать только долгие годы дисциплины и яркое

осознание того, что наш с Солливер разговор еще не закончен. По большому счету, он и не начинался.

— То, что она будет жить в нашем доме. То, что ты проводишь с ней время. Я понимаю, что она мать твоего ребенка, точнее, твоего будущего ребенка, но это — уже слишком. Ты не хуже меня представляешь, во что это может развить пресса.

Мне все равно.

Я чуть не говорю это вслух, но к счастью, если Халлорану в лицо можно сказать «мне все равно», то в этом случае это будет просто чистейшей воды наблейшество.

— Пресса все равно во что-нибудь это разовьет, Сол, — говорю я, кивая на кресло по другую сторону стола. — Сядь, пожалуйста.

Она приподнимает брови, но все-таки приближается к столу и садится.

— Лаура не просто беременна моим первенцем, она сама — результат неизвестного эксперимента.

— Что?!

— Это долгая история. Она не человек и не иртханесса, анализы ее крови показывают то, что показывать не должны. Честно говоря, я вообще не представляю, во что все это выльется, и именно поэтому она останется здесь. Ее сила совершенно неконтролируема, более того, она непредсказуема. За ней нужно систематическое наблюдение, и это систематическое наблюдение обеспечить я могу только здесь.

Солливер откидывается на спинку кресла, качает головой:

— Как такое возможно, Торн?

— Я не знаю, — пожимаю плечами. — Не знаю, но я это выясню.

Она покусывает губы.

— Не представляю. Ты говоришь, что ее сила непредсказуема. Но разве не проще тогда отправить ее в какой-нибудь медицинский центр? Туда, где за ней будет круглосуточный уход и наблюдение, и команда медиков всегда наготове?

— Она может уничтожить их всех. Случайно.

Солливер открывает рот, потом его закрывает.

— Этого не произойдет, я более чем уверен. Но я должен перестраховаться. Тем более что... — мне хочется потерять глаза, вместо этого я просто в упор смотрю на нее.

— Тем более что?

— Я не знаю, кому сейчас могу доверять.

— Что-то случилось в Аронгаре?

— Случилось. Много.

Она глубоко вздыхает, чуть подается вперед и поднимается. Обходит стол, садится на краешек с моей стороны.

— Торн, тебе нужно в постель.

Я качаю головой.

— Мне много всего нужно сделать.

— Дела подождут. До завтра. — Она отводит прядь волос с моего лица, едва касаясь его кончиками пальцев. — Ты совершил оборот, пролетел над океаном, и, я больше чем

уверена, что твое общение с Халлораном не было праздником. Я знаю, что мы договаривались о партнерском браке, но как твой партнер я вынуждена настаивать. Тебе нужно отдохнуть, Торн. У всех есть предел.

Самое паршивое, что я сейчас это чувствую. Чувствую этот предел, на котором стою — раньше мне казалось, что его у меня нет.

— Ты права, — говорю я. — Оставлю до завтра все, что может подождать.

— А что-то не может? — она улыбается.

— Да. Тебя нужно проводить домой.

Солливер снимает мою гарнитуру раньше, чем я успеваю ее коснуться.

— Мой дом отныне и навсегда рядом с тобой, Торн. Я остаюсь.

— Ты же помнишь, что я сказал про ее силу? — уточняю я.

— Я не боюсь никакой силы, пока ты рядом, — она наклоняется и касается губами моих губ.

Это прикосновение отдается в теле еще большей усталостью. Странно, но я не чувствую ничего, когда она меня целует — только легкое скольжение губ по губам. Это поразительный парадокс, с одной стороны я давно не чувствовал себя настолько живым, с другой — полное отсутствие чувств по отношению к женщине, которая скоро станет моей женой и первой ферной. К женщине, которая действительно забо-

тится обо мне.

— Пойдем, — говорю я и поднимаюсь. — Спальня уже готова.

По-хорошему, мне не стоит спать, и я не уверен, что буду, но пару часов в кровати, просто чтобы расслабилось тело, мне точно нужны.

Потому что иначе расслабиться не получается. Стоит мне оказаться в душевой, под упругими струями воды, как я снова мысленно возвращаюсь в комнату, где спит Лаура. Словно снова смотрю на нее, на подрагивающие ресницы и расплескавшиеся по подушке волосы. Эта женщина не просто проблема, она — мое наваждение, и кажется, надо с этим смириться. Равно как и с тем, что я сделал все, чтобы оттолкнуть ее от себя.

Поэтому когда я выхожу, а Солливер направляется в ванную, я говорю:

— Комната в твоём распоряжении, Сол.

Она складывает руки на груди.

— Завтра здесь будет команда медиков, но пока — это моя ответственность.

— Пока? — ее голос становится жестким. — Вспомни, что она сделала, Торн.

— Я все отлично помню, — отвечаю, отбрасывая полотенце. — Но я говорю тебе это не потому, что готов обсуждать с тобой. А потому, что мы с тобой партнеры.

— Партнеры, — Солливер шагает в сторону ванной, но

возле двери оборачивается, — обычно все обсуждают, Торн. Возможно, ты просто не создан для партнерства в каком бы то ни было виде.

Она скрывается в ванной, а я одеваюсь и выхожу. Возвращаясь в комнату, из которой ушел, плотно закрываю за собой дверь. Лаура повернулась на бок и спит, закинув руку на Верража. Драконенок совершенно не возражает, напротив, он развернулся мордой к ее лицу и уткнулся носом ей в щеку, от его дыхания на ее коже остаются морозные искорки. Что касается Гринни, та спит на ее волосах, забинтованная грудка ровно вздымается.

— Ну и что мне с вами делать? — спрашиваю я.

Вопрос не подразумевает ответа даже от меня, поэтому я просто отхожу к матрасу, брошенному на пол, ложусь на него и вытягиваюсь, глядя в потолок. Это напоминает мне мою молодость в казармах Академии, мгновения, когда после выматывающих тренировок на полигоне я просто падал на койку и вырубался. В этом была своя прелесть. Равно как и в том, чтобы лежать вот так, почти на полу, слушая тройное сопение.

Непонятно почему эта мысль заставляет меня улыбнуться. И на мгновение прикрыть глаза.

Солливер Ригхарн

Он действительно уходит. Он действительно просто ухо-

дит, закрывает дверь с той стороны и идет к ней. К своей Лауре.

От нее мужчины не уходили никогда, не считая того случая. Первого и единственного, когда она как дура влюбилась в парня, у которого на уме была только другая девица, озабоченная перекрестными отношениями.

Именно поэтому Солливер прекрасно знала, что если мужчина уходит — он не вернется. То есть он может вернуться номинально, присутствовать в твоём поле или даже трахаться с тобой, но мыслями он все равно там. Там, с ней.

И с этим надо что-то делать, даже если хочется что-то разбить. Невыносимо.

Вот только делать все и всегда нужно на трезвую голову.

Солливер достала смартфон и набрала номер.

— Привет, напарничек, — едко сказала она. — Ты, наверное, уже понял, в какой заднице мы оказались.

— Ты специально это делаешь? — шипит он. — Специально звонишь, чтобы дать им больше инструментов споткнуться о нас?

— А им, — она выделяет последнее слово, — нужны инструменты? Тебе не кажется, что это ты должен был меня набрать и предупредить?

— У меня есть проблемы посерьезней. В частности, Родхорн и Стенгерберг.

— Вот как. И в чем же проблема?

— Торн что-то подозревает, поэтому Стенгерберга велено

притащить на допрос. А Роудхорн не остановится, когда я его уберу. Теперь понимаешь, в какой заднице мы с тобой, дорогая?

Солливер закусила губу.

Да, задница оказалась чуть глубже, чем она рассчитывала, но бывали проблемы и посерьезней. Правда, не на таком уровне, но проблема — она и в Аронгаре проблема. Просто висит и требует решения, а не паники и нытья.

— Лаура Хэдфенгер — результат какого-то непонятного эксперимента, — произносит она.

— Что?!

— Я пока еще мало узнала, сам понимаешь, что лезть в это — особенно после всего что случилось, было бы очень подозрительно. Тем не менее это так, и у нас с тобой есть одно серьезное преимущество: ее сила опасна. Настолько опасна, что Торн даже не хочет отправлять ее в исследовательский центр, потому что, по его словам, она может там все заморозить.

— А я говорил, что ее нельзя подпускать к нему! — рычат по ту сторону связи.

— Ты меня плохо слышишь? — Солливер приоткрыла дверь в комнату, убедилась, что там по-прежнему никого нет, и понизила голос. — У нее убийственная сила, и все, что мне нужно — это чтобы она разочек вырвалась на свободу. Что касается Роудхорна, я подумаю, что можно сделать со своей стороны, но мы — как ты правильно заметил — теперь

однозначно не сможем общаться. Потому что если этот... гм, друг Хэдфенгер начнет копать, все это может всплыть на поверхность.

— Я уничтожаю все данные о наших звонках.

— Иногда достаточно миллисекунды, чтобы кто-то что-то узнал, а я не хочу рисковать. Так что теперь ты сам по себе, а я сама по себе. По крайней мере, пока у нас есть общая проблема Роудхорна. Не мне тебя учить, как ее решать, Крейд.

— Не мне тебя учить, что не стоит называть меня по имени.

Она улыбается.

— Даже не собиралась. Давай договоримся так: мне потребуется помощь с камерами в резиденции. Не в ближайшее время, возможно, через пару недель. Нужно будет, чтобы произошел сбой.

— И как мне понять, что тебе это потребовалось, а главное — когда именно?

Солливер задумалась, разглядывая душевую кабину, плачущую потеками воды на уже прозрачных стенах.

— Я дам тебе знать. Не переживай. Главное, подготовь все и начинай заниматься проблемой Роудхорна.

Из динамика донесся смешок.

— Ты не мое руководство.

— Нет, твое руководство — он. И в наших общих интересах, чтобы это долго не продлилось.

Она нажала отбой, зная, что когда заглянет в вызовы, по-

следнего номера там уже не будет. Тем не менее сделала это сразу же: осторожность превыше всего. Доверять Крейду было не лучшим вариантом, но пока он ей нужен. Пока что — пока существует проблема Роудхорна и Хэдфенгер, а потом придется решить вопрос с Крейдом по-своему.

Потому что, как показывает практика, в таких делах партнерство не просто опасно, оно способно разрушить все.

Правда, сейчас у нее проблема посерьезнее, потому что Лаура Хэдфенгер тоже способна все разрушить, и чтобы этого не случилось, придется разрушить ее. Первенец Торна должен быть от нее, Солливер.

И он будет от нее.

Солливер улыбнулась своему отражению, расстегнула платье, позволяя ему скользнуть вниз, к ногам, и шагнула в душевую кабину.

Глава 5

Я давно не спала так хорошо. Говоря по правде, всякий раз, когда я собиралась поспать, ко мне то дракон прилетал, то убийцы наведывались, то Бен рогалики приносил — чтобы «скормить» дурочке Лауре вместе с ними очередную историю о том, как он хочет ей помочь. Сейчас я в пещере у дракона, откуда не так-то просто выбраться, но, возможно, именно потому что сюда не так просто и забраться, я и выспалась.

Хорошенько потягиваюсь в темноте, задевая сладко сопящую Гринни, которая переползла ко мне в ноги, Верраж скидывает морду, а я сажусь.

Чтобы увидеть картину, достойную запечатления, потому что на матрасе Верража, сладко посапывая... нет, вру, громко храпя, спит Торн. Первым порывом было потереть глаза и попытаться проснуться второй раз, но я уже немного научилась отличать реальность от вымысла (особенно созданного собой), поэтому сейчас только смотрю на него, и мои брови медленно ползут вверх.

— Ущипните меня, — сообщаю непонятно кому, как раз в тот момент, когда Дракон номер один всхрапывает громче и... продолжает спать. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делаю, я хватаю с тумбочки телефон, навожу на него камеру, приближаю. Ночной режим частично высветляет изоб-

ражение, но тут скоро и так начнет светлеть (судя по времени), поэтому я тыкаю в кнопку.

Клац!

От щелчка камеры просыпается Гринни, а Дракон номер один продолжает дрыхнуть! Он спит так, как будто не спал месяца два! Хотя я точно проверить не могу, потому что я ни разу не засыпала с ним, но выглядит это именно так. Раскинув руки, в своей элитной рубашке, элитных брюках и элитных ботинках.

Откладываю смартфон, осторожно выбираюсь из-под одеяла. Здесь достаточно тепло (то ли мы вчетвером насопели, то ли отопление хорошее, то ли и то, и другое вместе). Как бы там ни было, босым ногам не холодно, когда я спускаю их на пол. В этот момент храп снова повышается, потом обрывается, и Торн поворачивается на бок. Спинай к нам.

— Очешуешь, — выдаю я известное, в общем-то, ругательство, и осторожно приближаюсь к нему.

Скажи мне кто-нибудь, что такое возможно, я бы покрутила у виска пальцем, но видимо, мне суждено удивляться снова и снова — его многогранной драконьей натуре. Теперь многогранная драконья натура совсем не выглядит устрашающей. Волосы растрепаны, рубашка, застегнутая на все пуговицы, кроме одной, сбилась и смята, уголок даже торчит из брюк, открывая полоску кожи. Выбивается из всей этой картины только перчатка, которая под тонкой рубашкой просвечивает плотным покрытием до самого локтя.

Я помню, что под ней скрывается, но почему-то совершенно этого не боюсь.

Странное дело, я рядом с Торном — и я его не боюсь. Видимо, во мне сломалась боялка, или что-то еще, но сейчас я осторожно опускаюсь на корточки, чтобы рассмотреть его лицо. Последнее, что мне удастся рассмотреть — «выползшую» из-под перчатки чешуйку на коже, до лица я добрать-ся не успеваю.

Потому что Торн резко открывает глаза, а я так же резко оказываюсь на матрасике, прямо под ним. От такого кульбита слегка перехватывает дух, и еще больше его перехватывает от близости ударившего в меня пламени. Такой взгляд я вижу у него впервые, чистый неразбавленный огонь, впрыснутый через него в мои вены, заставляющий мою кровь кипеть. Его выдох больше похож на рычание, а поцелуй — на укус, и я кусаюсь в ответ. С такой силой, что обжигает сначала пламенем, потом привкусом крови, и только после — осознанием того, что мы творим.

Мой халат задрался до неприличия, белья на мне нет, а между моих ног — его колено. Не считая того, что в мое бедро упирается совершенно прямое доказательство его половой принадлежности и кое-чего еще. Спасибо хоть, что под брюками.

— Ыrrrr, — выдыхаю я, пытаюсь его оттолкнуть.

Звериный зрачок стягивается в человеческий, как раз в тот момент, когда сбоку и сверху доносится:

— Торн, я пришла сказать, что тебя не могут найти. — Солливер демонстрирует каплю гарнитуры на ладони. — Но ты, судя по всему, занят.

Она швыряет гарнитуру на пол и выходит, дверь захлопывается.

А я чувствую себя, как в анекдоте «Возвращается жена из командировки...»

И даже не на месте жены.

Впрочем, Солливер ему тоже не жена. Пока.

М-да.

Кажется, я порвала все шаблоны.

Все шаблоны хорошей девочки. Все шаблоны примерной дочери. Да в принципе все, если отставить хороших девочек и дочерей подальше, потому что ни первым, ни вторым я не являюсь, а именно все собственные.

— Сползите с меня, ферн Ландерстерг, — говорю я ледяным тоном.

Как раз в тот момент, когда он собирается подниматься. Точнее, и поднимается, протягивает мне руку, но я ее не принимаю. Мне вообще хочется провалиться — той части маленькой Лауры, которая ко всему этому точно не готова, но взрослая Лаура просто запахивает халат и поднимается сама.

После чего обходит его и направляется к кровати, на которой два наблюдателя снова во все глаза смотрят на нас. Меньше всего мне сейчас хочется услышать «Это больше не повторится», — сказанное тон в тон тому, что случилось в

кабинете. Хотя по-хорошему, это стоит сказать мне. Я даже открываю рот, чтобы это сделать, но потом закрываю, потому что чувствую, что это не мое.

Все, хватит бултыхаться в прошлом.

Прошлого больше нет.

— Сегодня к тебе приедет отец.

В любой неловкой ситуации говорите про отца Лауры.

— Чудесно, — отвечаю я и поворачиваюсь.

— Ближе к обеду. Вместе с ним приедут медики, которые будут тебя наблюдать.

— И мой наставник? — уточняю я.

— Лаура.

Спокойное рычание, вот как это звучит.

— Что? Мне нужно научиться управлять своей силой. Ради Льдинки и ради всех тех людей, которые окажутся рядом со мной.

— Я сам подберу тебе наставника.

— Или Арден, — говорю я в упор. — Или никто.

— Значит, никто. Будешь сидеть в изоляции, пока не поумнеешь.

О да, вот это уже знакомо.

— Значит, буду сидеть, — отвечаю я, высушивая попытавшиеся откуда-то вылезти слезы еще на подлете. Нечего им здесь делать, особенно — по поводу него. — Столько, сколько потребуется. Вас там ждут, ферн Ландерстерг. Невеста и неотложные дела. Освободите помещение, пожалуйста.

К счастью, это человекоподобное выходит, и мне становится легче дышать. Ненадолго правда, когда я представляю себе, что безвылазно сижу в какой-нибудь комнате и ничего не могу сделать... а впрочем, почему же ничего.

Я переодеваюсь в платье, в котором была вчера (благо, в комнате действительно тепло), и выглядываю в коридор.

— Мне нужен ноутбук, — говорю мергхандарам.

Те переглядываются.

— Мы должны уточнить у ферна Ландерстерга...

— Уточните, — отвечаю я. — Предвосхищая дальнейшие вопросы, он мне нужен для прохождения онлайн курсов по сценарному мастерству и написанию сценария.

После чего захлопываю дверь.

Спустя минут пять она снова открывается:

— Ваш завтрак, ферна Хэдфенгер.

На тележке, как в отеле, такое количество еды, как будто для меня накрыли персональный фервернский стол.

— Нет рогаликов, — говорю я.

Мергхандар непонимающе на меня смотрит.

— Рагранские рогалики, — я показываю размер пальца-ми. — С самой разной начинкой. Ничего вкуснее не ела.

Двигаю к себе аэротележку.

— Это не к вам вопрос. Просто попробуйте.

Дверь закрывается, я остаюсь с Верражем и Гринни, которые живо заинтересовались запахами с огромного подноса. Позволяю тележке «подлететь» к кровати, сажусь на по-

стель, открываю крышки горячих блюд.

— Налетай! — говорю драконенку и виари, и вместе мы сметаем завтрак в считанные секунды. Урчание зверей говорит о том, что им маловато, и они тут же устремляются к мискам. Миски принадлежат Верражу, для Гринни еще не поставили, но она проделывает вчерашний трюк: вытаскивает огромную кормину и грызет ее прямо на полу. Верраж дохрумкивает свое как раз вовремя, мергхандары приходят, чтобы забрать их на прогулку.

Я снова остаюсь одна.

Можно было бы пойти с ними, но в таком платье прогулка вряд ли получится удачной, даже с пальто и сапогами, а другой одежды у меня нет.

Подхожу к окну, касаюсь панели, чтобы поднять автоматические жалюзи.

Заснеженный пейзаж пустоши, раскинувшейся на сотни километров, кажется бесконечным. Едва взошедшее солнце пробивается через отрывистую пелену туч, создавая половинны света и тени. Тени становятся все больше и больше, она наползает на солнечную сторону, и, наконец, полностью ее «съедает». Густая завеса не позволяет пробиться ни единому лучику, в комнате становится темно.

— Хочу в Аронгару, — говорю непонятно кому. — В Зингсприд.

И, желательно, безо всяких снежных происшествий.

Интересно, когда теперь такое получится?

Я возвращаюсь к кровати, беру телефон, на экране все еще фотка храпящего Торна. Смахиваю ее в корзину и набираю номер Даргела. Он отвечает сразу.

— Лаура! Я не могу до тебя дозвониться уже...

— Я заблокировала все входящие.

— Замечательно.

— В этом нет ничего замечательного, но мне надо было побыть одной.

— Как так получилось, что о беременности и преследовании своей сестры спецслужбами я узнаю из новостей и вирусного видео?

Я молчу.

— Лаура! Я думал, ты просто устраиваешься на новом месте. Не хотел тебе звонить, чтобы не напрягать... а теперь я узнаю, что ты была на грани выживания. Это, по-твоему, нормально?

— Нет, Дар, это не нормально. Но я уже смутно понимаю, что в нашей семье нормально, а что нет.

— Что? Ты о чем?

Я глубоко вздыхаю.

— У отца был секрет по поводу мамы.

На том конце такая продолжительная пауза, что мне кажется, Даргел уже никогда не заговорит.

— Я узнала об этом вчера, но в общих чертах. Я не представляю, что на самом деле произошло, и как это возможно, но мне кажется, что ты должен об этом знать. Отец сегодня

приедет ко мне в резиденцию Ландерстерга, ближе к обеду. Если хочешь, свяжись с ним, и приезжайте вместе.

Странно, но когда дело касается моей семьи — отца, мамы, Даргела, я словно проваливаюсь в глубокую заморозку. Я говорю так, будто я — это не я, а какая-то механическая кукла с куском льда вместо сердца. По крайней мере, со стороны может показаться именно так, но я знаю, что если сейчас позволю себе чувствовать, никому хорошо не будет. Именно поэтому я настолько спокойна.

Или стараюсь быть спокойна.

Хочется верить, что у меня это получается.

— Разумеется, я приеду, Лаура, — произносит Даргел, и я мысленно выдыхаю. — Тебе что-нибудь нужно? Что-нибудь привезти?

— Привези себя, — отвечаю я. — Я очень соскучилась.

Не дожидаясь ответа, нажимаю отбой и залезаю на кровать с ногами.

До обеда время есть, а значит, буду искать и выбирать курсы сценарного мастерства.

Глава 6

В обед прибывают отец, Даргел и медики. Медики очень недовольны тем, что их нужно «подвинуть», но так уж случилось, что беременных волновать нельзя, поэтому сначала — разговор с семьей. Даргела я просто обнимаю, когда он подходит, может быть, чересчур коротко, гораздо короче, чем было бы раньше, что касается отца... на него мне смотреть не хочется, но приходится.

Вряд ли с кем-то можно построить разговор, если ты постоянно смотришь этому кому-то за плечо или сквозь него.

— Лаура, ты... — начинает было он, но я перебиваю:

— Я очень жду и вся внимание.

Отец осекается, а Даргел смотрит на меня удивленно, но никто и не обещал, что будет просто, правда? Хотя бы потому, что мы сейчас в кабинете Торна, а я за его столом. Подозреваю, что Солливер задушила бы меня на месте, если бы такое увидела, но в этом доме кабинет Торнгера Ландерстерга — единственное место, где можно нормально поговорить. Не отвлекаясь на сопящих, пыхтящих, требующих внимания и игр, и не сидя на кровати, когда другим приходится стоять.

Подозреваю, что Торн тоже меня задушит, когда узнает, но это получилось примерно так:

— Мне нужен кабинет ферна Ландерстерга для переговоров.

— У ферна Ландерстерга сейчас совещание, мы не сможем с ним связаться.

— Вам не нужно с ним связываться.

И мне не нужно было.

— Достаточно того, что я пообщаюсь со своей семьей в комфортной обстановке и не буду волноваться.

После слов «не буду волноваться» волноваться начали мергхандары. Волновались они недолго, волевым усилием того, кто у них тут главный, было принято решение запустить меня в кабинет, поскольку тут нет никакой конфиденциальной информации. Здесь, по большому счету, только мебель, даже ноутбука нет (Торн забрал его с собой).

— Дочка, мне бы не хотелось, чтобы наш разговор начинался так, — отец шагает ко мне, но я качаю головой.

— Мне бы не хотелось — первое, чтобы ты называл меня дочкой, и второе — чтобы этот разговор продлился дольше, чем я узнаю все о своей матери. Всю правду, разумеется, — я смотрю на него в упор. — А не то, чем ты пичкал нас с Даргелом долгие годы.

— Лаура! — это уже Даргел.

Я перевожу взгляд на него, и больше он почему-то ничего не говорит. Не знаю, это магия Торновского кабинета, или я просто окончательно приморозилась, но у меня действительно нет ни малейшего желания растягивать общение с Юргарном Хэдфенгером. Все, что мне нужно — это правда.

Отец намекает понимает, потому что отходит и садится во

второе кресло, рядом с братом. Я смотрю на него.

— Когда мы с твоей матерью только поженились, у нас не всегда были удачные времена. Иногда получалось так, что денег хватало только на аренду квартиры и все самое необходимое, иногда...

— К делу, — комментирую я, и больше уже никто не удивляется.

— Самый нелегкий период начался в тот момент, когда Даргел был маленьким. Его нужно было отдавать в садик, чтобы мы оба могли работать, но у нас не было на это средств. Несколько раз мы приглашали няню, но ее услуги тоже нужно было оплачивать, а моя практика провисала по всем фронтам, поэтому твоя мать согласилась на клинические испытания экспериментального препарата. Это были закрытые исследования в центре, финансируемом правительством.

— Чьим? — уточняю я.

— Ферверна. Предположительно.

Ключевое слово — предположительно.

— Как бы там ни было, мы согласились, потому что иначе нам было только ехать в Рагран, или оставаться без денег с маленьким ребенком на руках.

Я перевожу взгляд на Даргела: он на меня не смотрит. Сейчас брат настолько отстраненный, что кажется, его вообще здесь нет, но он слишком здесь, так же, как и я. Слишком глубоко в себе, чтобы показывать что-то, кроме этой пустой

маски, за которой может скрываться все, что угодно.

— Я позволил ей пойти на этот эксперимент, Лаура, но не было потом ни дня, чтобы я не... чтобы я не сожалел о том, что случилось.

Я не отвечаю, и отцу не остается ничего другого, кроме как продолжить.

— Сам исследовательский центр был огромный и очень современный. Возможно, именно поэтому я и согласился. Не знаю. Мне казалось, в таком центре работают передовые специалисты. Оррис записалась на этот проект, но она не знала, что уже беременна. Они, вероятно, узнали сразу, но нам ничего не сказали. Когда она узнала, было уже поздно — половина курса уже прошла. Мы были в шоке. И я, и она... мы... — Он развел руками. — Сам проект свернули через два месяца, но у Оррис начались осложнения. Она начала задыхаться, падала в обмороки, у нее было критическое понижение и повышение температуры при том, что когда все это заканчивалось, анализы не показывали ничего необычного. Как будто что-то в ее крови появлялось и исчезало. Снова и снова. Раз за разом.

Мне сложно в это поверить. Мне настолько сложно в это поверить, что временами хочется его остановить и сказать, чтобы он не молол чушь — потому что это больше напоминает сюжет фантастического триллера. Тем не менее я сейчас представляю свою маму — свою маму, так светло улыбающуюся на фото, которой через все это пришлось пройти, и

хочется просто кричать. Наорать на этого человека, который позволил своей жене пройти через клинические испытания непонятно чего, а потом... что — потом?

— Нам говорили, что нужны дополнительные обследования, но дополнительные обследования тоже ничего не дали. Рассказать о проекте, в котором Оррис принимала участие, мы не могли — потому что иначе потеряли бы все деньги, по условиям контракта мы не имели права разглашать информацию, а потом все прекратилось. Все прекратилось и было нормально до самого дня родов. До той минуты, пока нам не сказали, что ты ее... убиваешь. И тогда она ответила: спасайте мою дочь.

Я убрала руки со стола и сжала их на коленях. Иногда чувства — это не то, что поддается контролю, но если я случайно отморожу что-нибудь отцу, с этим я смогу жить. А вот если зацепит Даргела — вряд ли.

— У Оррис началось сильное кровотечение, его удалось остановить, ее отправили на операцию, но из-под наркоза она так и не вышла. Какое-то время мы еще надеялись... я надеялся. А потом раздался звонок. Мне предложили забрать ее из городской клиники и перевести в частную, где содержать ее будут за счет исследовательской компании. Сказали, что для всех ей придется умереть, но что они сделают все, чтобы она пришла в себя.

— И ты согласился.

Голос Даргела прозвучал так, что даже я вздрогнула.

— Я согласился, потому что выбора не было! Никто не мог ей помочь, не зная, что с ней случилось...

— И тебя не смутила фраза «Она должна умереть»?! — Даргел почти рычал. Сейчас я бы ни одному дракону не пожелаала рядом с ним оказаться, потому что у моего обычно спокойного, выдержанного брата сверкали глаза, а еще я чувствовала исходящую от него ярость. Я ее настолько чувствовала, что у меня кожа покрылась мурашками, и меня саму затрясло.

— Хватит. — Мой голос звучит на удивление спокойно. — Дар, мы здесь с тобой, чтобы узнать, что произошло с мамой, а не бросаться друг на друга.

— Как ты можешь быть такой спокойной, Лал?! — Брат резко подается вперед. — Как?! Тебе что, просто плевать?!

«Могу, — хотела ответить я, — потому что от этого зависит моя жизнь, жизнь моего ребенка, ваши и всех, кто находится в резиденции».

Разумеется, ничего такого я сказать не могла, а если бы и могла, все равно не сказала бы. Потому что меня оглушили воспоминаниями-словами Ардена. О том, что когда мать Торна была беременна, ей приходилось пользоваться подавляющими пламя пластинками. О том, что его сила перебивала ее. И о том, что Торн с младенчества был безумно силен. Настолько, что... он не может чувствовать.

Просто не может себе это позволить.

— Лал, — повторил Даргел, на этот раз поднимаясь из-за

стола, — да что с тобой там случилось?! В этом Рагране?

— Где моя мать сейчас? — я перевела взгляд на отца.

— Не знаю. Лаура, я не знаю. Они забрали ее и спустя время просто исчезли. Я долгие годы о ней ничего не слышал. Признаюсь, когда я встретил Ингрид, я и впрямь считал, что она мертва. Но я не мог пойти в полицию, Лаура, понимаешь? Не мог. И я не лгал тебе, потому что думал, что...

— Это какой-то бред! — Даргел снова его перебил. — Отец, ты вообще себя слышишь?! Ты понимаешь, что ты несешь?!

— Понимаю, — отец так же резко поднялся. — Пойми и ты: у нас был ты, Даргел. И нам нужно было тебя кормить. Одевать. Нужно было тебя отдать в школу, и не в какую-нибудь, где ты превратился бы в уличного хулигана уже на второй год, а в нормальную, в достойном районе, с достойными людьми.

— Ты всегда был заиклен на деньгах, — Даргел шагнул к нему. — Я думал, одна Ингрид помешана на роскоши и статусе, но нет, ты тоже. Только мне в голову прийти не могло, что ты на передовую бросишь ее. Женщину, которую, как ты говоришь, ты безумно любил!

— Довольно! — Я поднялась тоже. — Если вы пришли сюда, чтобы ссориться, можете сразу выйти и закрыть за собой дверь. Потому что, как вы оба уже знаете, я беременна, и моему ребенку не пойдет на пользу, если вы решите сейчас выяснять между собой отношения.

Сработало: оба сразу посмотрели на меня.

— Ты не ответил на мой вопрос, пап.

— Ты же просила не называть тебя дочкой, — лицо Юргарна Хэдфенгера исказилось.

— Я была неправа. От того, что мы начнем делать больно друг другу, никому хорошо не будет. Расскажи, как ты узнал о том, что мама жива.

Я снова опустилась в кресло, отец последовал моему примеру. Последним сел Даргел.

— Со мной связались противники реформы Торна, Лаура. Представители оппозиционной партии, очень категорично настроенные против его идеи о том, что брак иртхана и человека, правление иртхана и человека — это сила, а не слабость. Всплыло старое дело, за которое я в свое время взялась по той же причине, по которой ваша мама пошла на эти исследования, но это дело ничего не значило бы... когда все это случилось, когда обо всем стало известно Стенгербергу, мне позвонили и сказали, что твоя мать жива. И что если я хоть слово скажу о том, что я на самом деле не связан с оппозицией, уничтожат не только меня, но и ее.

— И ты им поверил? Поверил, что она жива?

— Я целых две минуты смотрел на нее, Лаура. На нее, подключенную к системам жизнеобеспечения, пока все следы этого не были уничтожены вместе с моим ноутбуком. Он просто сгорел.

— Как ты можешь быть уверен, что это она? — выдохнула

я. — Как ты... откуда ты знаешь, что это не актриса в гриме, очень на нее похожая, потому что...

— Лаура, — мягко перебил отец, — я сделал много плохого. Я совершил ошибку, когда позволил ей подписать тот контракт и отдал ее им после родов. Но я не лгал, когда говорил, что безумно любил Оррис. Я узнал бы ее даже через сто лет.

Я обхватила себя руками и откинулась на спинку кресла. Меня начинало знобить.

Может быть, потому что я узнала о маме. О том, что она до сих пор где-то. Совсем одна.

А может быть, потому что я узнала о Торне.

— Когда Торну стало известно о твоей связи с оппозицией?

— Примерно тогда, когда случился скандал в ресторане. Я прикрыла глаза.

— Лаура, — позвал Даргел. — Лаура, тебе нехорошо?

Я не знала, как это назвать. Это чувство, когда вдоль позвоночника дрожью ползет холод, и от него же по спине растекается пламя, грозящее вот-вот вырваться наружу.

— Вам лучше уйти, — сказала я, поднимаясь.

— Лал...

— Уходите, — я покачала головой. — Пожалуйста, мне сейчас просто очень нужно остаться одной.

— Лали, я твой брат. — Даргел шагнул ко мне как раз в тот момент, когда ладони обожгло холодом.

Отдернула их от стола, но было уже поздно, плеснувший из-под них иней морозным узором расползлся по столу, по-жирая стальную поверхность.

— Назад! — хрипло крикнула я: голос не слушался.

Я обхватила себя руками, не позволяя пламени вырваться в комнату, и ледяная мощь ударила в меня с такой силой, что стало нечем дышать. Последнее, что я увидела — рывком открывшуюся дверь и ворвавшихся в кабинет врачей и мергхандаров. Где-то смазанным пятном мелькнуло лицо отца, и я соскользнула в окутавшую меня метель.

Глава 7

— С ней все будет хорошо. Пламя пока стабильно.

Уверенный сильный голос внушал надежду. А вот слово «пока» — не особенно.

— Даргел! Пап!

Я подскочила там, где лежала, заставив датчики взорваться возмущенным писком.

— Лаура, тебе нужно лежать, — шагнувший ко мне Торн мягко надавил на плечи, возвращая в горизонтальное положение.

— Даргел...

— С ними все в порядке. Они по-прежнему в резиденции, — Торн внимательно посмотрел на меня, а я облегченно вздохнула.

Все в порядке. С ними все в порядке. С ними...

— Я никому не навредила? — снова чуть приподнялась.

— Нет. Никому. Стабилизирующие пластины сделали свое дело, — он указал на мои руки.

Ну что я могу сказать? Пластинами меня оклеили, как обоями в самый разгар ремонта. Кажется, не осталось даже кусочка кожи, куда не была бы наляпана пластина.

— Но это не вариант. — Торн по-прежнему смотрел мне в глаза. — Мы не знаем, сколько потребуется пластин завтра. Послезавтра. Через неделю.

— И что ты предлагаешь? — Я вернула ему его взгляд.

— Как ты вообще додумалась заикнуть пламя на себе?

— В его голосе звенел обжигающий льдом металл, но после того, как меня в очередной раз чуть не приморозило моим собственным, вряд ли это имело значение. Точнее, значение оно имело, а вот воздействие — нет. Не на меня так точно.

— У меня был выбор, убить всех или попытаться это остановить. Я сделала то, что первым пришло мне в голову.

— На самом деле ты все сделала правильно, Лаура.

Я открыла рот, потом закрыла обратно.

У меня что, слуховые галлюцинации, или Торнгер Ландерстерг только что сказал, что я что-то сделала правильно?

— Пламя не может причинить вреда его носителю, если направить его вовнутрь. Ты немного не рассчитала и направила на себя, но на внешний контур.

— Я сейчас не поняла, это ты меня так похвалил? — уточнила я. — Или собираешься сказать, что я — буйнопламенная, и меня нужно держать в изоляции?

— Хочу сказать, что тебе нужно учиться управлять пламенем, Лаура. Как можно скорее, и под руководством опытного наставника.

— Да, и об этом мы тоже уже говорили, — я сделала упор на слове «уже». — Кажется, пока не пришли к единому мнению.

— С единым мнением в этом случае все очень и очень сложно, — произнес Торн. — Тем не менее для меня важно,

чтобы ты была в безопасности.

Из-за того, что он заслонял собой практически весь обзор, я даже не могла рассмотреть, где именно нахожусь. Но судя по дизайнерскому оформлению потолков, точно не в переоборудованных под медицинские нужды комнатах (о том, что такие теперь есть в резиденции, мне перед встречей с отцом и Даргелом сообщили врачи). Не у Верража и Гринни, там таких потолков не было, и даже не в комнате, которая изначально должна была быть моей — тоже, там были другие цвета.

— Ты у меня, — произнес Торн: судя по всему, я слишком шустро крутила головой. — В твоей комнате нет кровати, а для зверей сейчас не время и не место.

— Есть еще импровизированная больница, — напомнила я.

— Там пока тоже нет кровати. Только медицинское кресло.

— Серьезное упущение, — хмыкнула я, а Торн неожиданно улыбнулся.

Настолько неожиданно, что горизонтальное положение было ну очень в тему. Падать повторно как-то не хотелось, а его улыбка обладала просто сногшибательным эффектом. Буквально. В смысле, потому что раньше он *так* не улыбался.

— Мне нужен ноутбук! — быстро сориентировалась я. Ну а что? Может, пока он такой... странный, у меня все

получится?

Или нет: Торн перестал улыбаться. А следом из-за его спины донеслось покашливание. Хотя покашливание — это громко сказано, кто-то просто очень выразительно хмыкнул. Или рыкнул.

— Мы не одни? — уточнила я.

Нет, я, разумеется, слышала какой-то голос (как в тумане), когда пришла в себя, но почему-то в моей Вселенной сейчас подразумевалось, что мы одни.

— Как я уже сказал, твоя безопасность сейчас в приоритете.

Торн чуть отступил в сторону, и я увидела Ардена.

В ошейнике.

Электронном, по которому периодически пробегали ледяные импульсы.

То есть ошейник я представить могла. Отдельно от Ардена. На виаре. На виари. Но Ардена в ошейнике нет. От слова совсем.

Эти двое в одну единицу времени в одной точке пространства у меня не стыковались от слова совсем.

Я чуть не спросила, какого набла, но вовремя тяпнула себя за язык. Ощутимо так, до боли, и, судя по металлическому привкусу, даже до крови.

— Арден, пожалуйста, могу я вас попросить оставить нас на пару минут?

За которые я постараюсь не убить Торна и не заморозить

все к наблам. Хотя морозить тут всего-ничего, полуразрушенная резиденция, дальше природа и без меня постаралась.

Я дождалась, пока Арден выйдет, набрала в грудь побольше воздуха, и...

— Прежде чем ты что-то скажешь, Лаура, хорошенько подумай.

— Прежде чем ты что-то сделаешь, Торн, хорошенько подумай! — я села так резко, что аппаратура разразилась ругательствами, но мне было плевать. Пришлось понизить голос, чтобы случайно никто (случайно Арден) ничего не услышал.

— Это что такое?

Я ткнула в закрывшуюся дверь.

— Это ошейник.

К счастью, Его ледянейшество не стал ходить вокруг да около и изображать долбанувшегося о скалы дракона.

— Это я вижу. Пытаюсь понять, как он на нем оказался.

— Это ошейник заключенного. Таэрран на него я не могу надеть по понятной причине.

Все-таки Торнгер Ландерстерг выигрывает первый приз за звание «отмороженная задница года», хотя, как по мне, так столетия. А заодно медальку за умение лишиться дара речи в любых обстоятельствах.

— То есть ты считаешь нормальным заставлять его ходить в ошейнике?!

— Он заключенный, Лаура. То, что я вообще позволяю ему здесь ходить — так это исключительно благодаря тебе,

потому что он действительно способен обеспечить твою безопасность и помочь тебе справиться с пламенем.

У меня снова кончились слова. Цензурные. Нецензурные я решила не использовать, потому что к такому быстро привыкаешь, и потом начинаешь вести себя соответственно.

— Он меня спас!

Дважды уже.

— Это не отменяет того, что он заключенный.

— За что?!

— Он отказался выполнить мой приказ.

Желание побиться головой о стену я подавила.

— Какой?!

— Привезти тебя из Раграна.

Предполагаю, что последние пару минут нашего разговора, я напоминала рыбку. Мой рот столько раз открылся и закрылся беззвучно, что со стороны это могло выглядеть как немое кино.

— Давай-ка разберемся, Торн. Как ты хотел вывезти меня из Раграна с помощью Ардена, если на мне была харргалахт другого ирлхана?

Я нарочно не назвала Бена по имени, чтобы кое-кого не драконить, хотя видит небо, мне очень хотелось. Мне хотелось не просто его драконить, а еще и постучать ему по голове капельницей, чтобы, наконец, дошло, что так не поступают!

Ни с бывшими любимыми женщинами (ладно, слова лю-

бимая тут можно опустить), ни с теми, кто по-настоящему тебе предан. Не сказать, что я сильно давно знала Ардена, но наши короткие встречи и разговоры убедили меня в том, что этот ир்தхан целиком и полностью на стороне Торна.

Тем не менее я терпеливо ждала. Ждала, что же мне ответят.

Как ни странно, мне действительно ответили:

— Ардену ты доверяла. Он вполне мог этим воспользоваться и тебя убедить.

— Но не захотел, — подвела итог я.

— Не захотел, — подтвердил Торн. — Учитывая, что это был приказ, а Арден — военный врач, он нарушил приказ главнокомандующего. В военное время за такое было бы куда более суровое наказание, сейчас же...

— Сейчас же?

— Будет военный суд.

— Да, я в курсе. И ты позволишь суду независимых физиономий решать, что делать с тем, кто отказался воспользоваться наивностью одной беззащитной женщины, которую нужно было силком притащить к тебе во имя высочайшего произвола?

— Я позволю суду решать, что делать с тем, кто нарушил приказ, — припечатал Торн. — Это не обсуждается, Лаура. Арден будет с тобой круглосуточно, за исключением того времени, когда рядом смогу присутствовать я. На нем будет ошейник. Когда угроза твоей жизни и жизни ребенка оста-

нется в прошлом, состоится суд. На этом все, и к этой теме мы больше не вернемся.

Я покачала головой.

— Знаешь, Торн... только ты начинаешь делать что-то... человеческое, как потом опять все возвращается на круги своя.

— Проблема в том, — его взгляд сверкнул льдом. — Что я никогда не был человеком, Лаура, но ты с этим так и не смирилась.

Он вышел, но к счастью, я слишком хорошо владела собой, чтобы оставить что-то от эмоций нашего разговора, когда вошел Арден.

Признаюсь честно, я смутно представляла, что сказать — что вообще можно сказать после того, что учудил Торн. Поэтому сказала первое, что пришло мне в голову:

— Ты был прав. Мне стоило вернуться сразу. Самой.

Он усмехнулся, приближаясь к аппаратуре.

Коснулся дисплея планшета, явно проверяя какие-то показатели, потом все-таки посмотрел на меня.

— Честно говоря, Лаура, сейчас я уже не настолько в этом уверен.

— Арден, если ты сейчас скажешь, что мне надо бежать, я покроюсь льдом и пролежу здесь до конца беременности, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Он покачал головой:

— У тебя специфическое чувство юмора.

— У меня сумасшедшее желание выжить и родить здорового ребенка. Скажи мне, что для этого сделать, и я клянусь, что сделаю это от и до.

Арден оставил планшет в покое и подошел ко мне.

— К сожалению, сейчас это зависит не только от тебя.

— Что? О чем ты?

— Вокруг Торна очень серьезный заговор, которого он в упор не видит.

— Если он чего-то не видит, возможно, на то есть причины?

Не сказать, что Арден открыл мне Аронгару, но холодок по спине все-таки прошел. О чем-то похожем мне говорил Бен, правда, Бен вообще был невысокого мнения о Торне и его системе, поэтому вряд ли можно считать его слова беспристрастными. Что касается Ардена... наверное, теперь тоже. Сложно уважать того, кто нацепил на тебя ошейник.

— Причины есть. Он долгое время доверял Стенгербергу, очень близко подпустил его к себе. Всеми вопросами безопасности занимался именно он.

— Сейчас ими занимается Сэфл, — я поправила. — Родхорн. О чем мы вообще говорим? Почему ты поднял эту тему?

— Чтобы ты поняла, Лаура, что ты в опасности. Не только из-за серьезной беременности, но и из-за того, что происходит вокруг Торна.

— Вот прямо сейчас ты делаешь все, чтобы я совсем не

волновалась.

— Я не из тех, кто считает, что молчание об опасности способно уберечь.

— О какой опасности ты говоришь?!

— Эллегрин.

— Что?!

— Эллегрин Рэгстерн. Я знаю ее... — Арден помолчал, потом продолжил: — Очень давно. Эта женщина может быть жесткой, она привыкла получать все, что хочет, и очень остро реагирует на отказ. Она умеет ненавидеть и не умеет прощать, но она не подлая. Если ты понимаешь, о чем я.

— Пока что смутно.

Я и вправду смутно понимала, при чем здесь Эллегрин Рэгстерн, которая устроила мне веселье в ресторане, и как после всего этого ее можно охарактеризовать словом «не подлая». Разве что частица «не» сюда случайно затесалась.

— Все очень просто, — Арден подвинул стул и сел рядом с кроватью. — Или очень сложно. Мы встречались. Хотя... это сильно сказано. Эллегрин с детства была влюблена в Торна, а я просто был рядом, лучший друг... и просто любовник, когда нужно снять напряжение и обиду от его льда.

Об этом Бен мне рассказывал — о том, что у Ардена была связь с Эллегрин, но я по-прежнему совершенно не понимала, какое отношение это имеет к моей безопасности.

— Тем не менее я знаю ее достаточно хорошо. Считал, что знал, пока не произошло то, что произошло — с тобой.

Сначала я не хотел в это верить. Потом понял, что не будь у Торна стопроцентных доказательств того, что она все это подстроила, он не объявил бы о ее аресте. Для него она тоже была важна, по-своему, но важна. Вопрос только в том, откуда они взялись, эти стопроцентные доказательства. И в том, как они все это подстроили. Эллегрин — иртханесса, чтобы поработать над ее сознанием и заставить ее признаться, нужно было не просто отдать ментальный приказ, нужно было заставить ее поверить в то, что она совершила.

— Арден, — я хотела коснуться его руки, но передумала. В конце концов, мы с ним не друзья, а помимо этого, он еще в ошейнике ходит из-за меня. — Я понимаю, что ты ее любишь. Понимаю, что ты хочешь верить в то, что Эллегрин Рэгстерн тут ни при чем... но...

— Понимать я мог это до того, как встретился с ней в тюрьме, Лаура, — его голос звучал очень резко, — до того, как увидел ее. Нам позволили одну встречу...

— Торн позволил?

— Предполагаю, что да. Такое не осталось бы без его внимания, в любом случае... когда мы с ней оказались лицом к лицу, я увидел то, что долгое время изучал. В ее глазах. Последствия сильнейшего ментального воздействия на сознание иртхана.

— А...

Я даже не представляла, что сказать, если честно.

— После того, как правящий Ферверна продолжительное

время был под воздействием, мягко говоря, психопата, стали изучать все возможные проявления — как внешние, так и внутренние, продолжительного ментального приказа, отданного иртехану. Одним из признаков было взрезание пламени. Это когда в пламя иртехана вплетается чужое, остаточное после ментальной атаки, все еще продолжающей работать. Проявляется оно крупницами чужеродной силы в родной, то есть если у иртехана ледяное пламя, а у атакующего алое, это будут алые искры. Если истинное, то оранжевые, и так далее.

— И? Что ты видел?

Я почему-то замерла, забывая дышать. Сама не знаю, почему, зацепилась за «истинное пламя» и мысли о Бене. Нет, мне не хотелось думать, что он ко всему этому причастен, но после всего, что случилось... рассказ Ардена казался нереальным, но если уж говорить прямо, нереальность — это я, но я существую. Не человек, не иртеханесса. Вообще непонятно кто.

— Черные. Черные искры.

Когда Арден это произнес, я вздрогнула. Во-первых, потому что слишком ушла в себя, а во-вторых...

— Разве существует черное пламя?

Он посмотрел в сторону, как будто искал ответ на стене, потом снова взглянул на меня.

— Существует. У глубоководных драконов.

Ладно. Предположим, я даже сейчас не стану удивляться: мне, как результату неизвестного эксперимента, не положе-

но.

— Глубоководных фервернских же нельзя подчинить. Насколько я знаю, не существует ни одного иртхана с таким пламенем.

— Не существует, — подтвердил Арден. — Точнее, не существовало, это попытался изменить Гранхарсен.

Тот, который сошел с ума, а не тот, который делает шоу, да.

— Но его постигла та же участь, что и всех до него.

— Всех?!

— Лаура, ты зря думаешь, что попытки влить себе кровь глубоководных никогда не предпринимались. С самого начала времен, когда шаманам впервые это удалось, люди основательно взялись за всех драконов. Вот только именно глубоководные давали такой побочный эффект. Безумие.

— Я не претендую на очень хорошее знание истории иртханов, но... разве такое возможно в принципе? Как вообще можно было влить себе кровь глубоководного, если они живут под водой, и... мягко говоря, никак никому не подчиняются?

Арден улыбнулся.

— А как, ты думаешь, первые шаманы стали иртханами? Я пожала плечами.

— Понятия не имею. Развели костерок с травкой, драконы прибалдели, и они выкачали из них кровушку?

— А потом прилетели и убили всех, кто это сделал, если

продолжать твою историю. Ты же знаешь про общую память драконов?

Если вспомнить историю Бена, то да. Ему до сих пор нельзя соваться в пустоши из-за того, что сделал его отец, но как же тогда...

— Погоди! — Я натянула одеяло повыше, чтобы сесть. Несмотря на то, что на мне была сорочка (кстати, я не хочу думать, кто меня переодевал, не хочу, и не буду, и откуда она взялась — тоже!), показываться в ней Ардену не хотелось. — Ты говоришь, что драконы добровольно делились кровью?

— Именно так, Лаура. Они выбирали тех, кому отдать свою кровь. Свое пламя. Свое наследие.

Оу.

— Можно выманить дракона, можно отдать ему приказ, прокачать свою силу и стать врагом на тысячелетия. А можно было сделать, как поступали шаманы. Обрести доверие и пламя, которое отдали тебе добровольно. Насилие над пламенем и драконами никогда ничем хорошим не заканчивалось. И это еще одна причина, по которой я сказал тебе, что, возможно, был не прав.

Я пристально посмотрела на него.

— Торн душит своего дракона. Он обернулся, чтобы лететь к тебе, но он постоянно пытается его контролировать и подавлять. Ничем хорошим это не кончится, и это уже началось. Его рука — это только начало. Я рассчитывал, что все изменится, когда ты вернешься, но я ошибался.

Арден замолчал, и я тоже. Даже под теплым покрывалом кожа покрылась мурашками. Я смутно представляла, как происходит взаимодействие в тандеме иртвахан-дракон, но если Арден прав, если предположить, что они — единое целое, то Тортн просто убивает часть себя, когда подавляет свою вторую суть.

Почему он так делает?!

Я чуть было не спросила это вслух, но поняла, что не Ардену отвечать на этот вопрос. Зато он мог ответить на другие.

— Почему сила глубоководных сводит с ума?

— Потому что это пламя слишком мощное для тела человека или даже иртвахана. Его можно выдержать, только будучи в драконьей форме. Но как ты понимаешь, если постоянно находиться в другой форме, ничего не останется от человеческого сознания.

То есть тот, кто сделал это с Эллегрин, либо псих, либо глубоководный дракон. Учитывая, что глубоководному дракону политика до лампочки, остается вариант первый. В результате мы получаем Гранхарсена дубль два, который был совершенно неубиваемый, и которого с трудом побороли три дракона. Точнее, три иртвахана, обернувшиеся драконами, но сути это не меняет.

М-да. Кажется, мне снова нужна консультация Гроу, и на этот раз не поводу шоу-бизнеса.

— А Тортн... ты сказал, что на Эллегрин было воздействие, которое заметно. Почему он этого не увидел?

— Потому что это проявляется не сразу. И не постоянно — во время нашего разговора было всего две вспышки, когда у нее пробивалось собственное пламя. Вероятно, во время допроса и общения с Торном вспышек еще не было, потому что прошло слишком мало времени после ментального вмешательства.

Хорошо, это я понять могу. А вот чего не могу, так это...

— Почему ты не сказал Торну?

— Потому что я не знаю, кто из его окружения — враг. Не представляю, как он будет действовать. Я боюсь, что они что-то сделают с Эльль. — Арден посмотрел мне в глаза, и меня пронзило странным, выносящим чувством от макушки до пят. — Боюсь, что они с ней могут сделать, если узнают о том, что стало известно мне, и в то же время я не мог не сказать обо всем тебе, Лаура. Я не знаю, какой у них доступ, и каким будет следующий шаг, но я сделаю все от меня зависящее, чтобы тебя защитить.

Вот теперь я все-таки накрыла его руку своей.

— А я сделаю все от меня зависящее, чтобы помочь тебе с этим разобраться.

Арден явно хотел возразить, но я его опередила:

— Сейчас начальник службы безопасности Торна мой друг. Или... мой бывший друг, что, в общем-то, дела не меняет. Если он поставил его — значит, тоже о чем-то догадывается, или, по крайней мере, что-то подозревает. Может быть, Сэфл и я больше не сможем быть друзьями, но в нем я

не сомневаюсь, и никогда не стану сомневаться. Он предан тому, что делает, и он хороший человек... иртвахан, Арден. Нам просто надо найти способ с ним поговорить, и кажется, у меня есть идея.

Арден резко поднялся, нахмурился.

— Я рассказал это тебе не для того, чтобы ты в это лезла, Лаура. Исключительно, чтобы ты была осторожна, не больше и не меньше.

— Ну а я не привыкла сидеть на месте, когда меня или моих друзей пытаются убить, подставить, и все такое, — смело встретила его взгляд. — Так что ты можешь либо помогать мне, либо будешь узнавать новости, когда они у меня будут.

Арден долго смотрел на меня. Очень долго.

Поскольку я пока никуда не торопилась, я тоже продолжала смотреть на него. Пока он, наконец, не произнес:

— Отговорить тебя не получится, я полагаю?

Я покачала головой.

— Нет. И вот еще что. Ты уверен, что на Торна не могут воздействовать так же?

— У меня чувство, что та Лаура, с которой я говорил в Ферверне, и ты настоящая — два разных человека.

— Не совсем человека, — поправила я. — А бегство по странам и попытки спастись от наемных убийц здорово меняют сознание. Не скажу, что рекомендую это в качестве инструмента для саморазвития.

— Торна проще убить, чем попытаться взломать его со-

знание, — произнес Арден.

Я успела только облегченно вздохнуть, когда он протянул мне руку:

— Договорились. Работаем вместе.

— Работаем вместе, — подтвердила я.

Вслух говорить не стала, но мысленно пообещала себе (и ему), что если Эллегрин действительно невиновна, я сделаю все от меня зависящее, чтобы она оказалась на свободе. И чтобы тот, кто все это устроил, занял ее место в тюремной камере. Надолго. Если не сказать — на всю жизнь.

Глава 8

Торнгер Ландерстерг

Раньше я даже представить не мог, что буду бегать между Хайрмаргом и резиденцией по десять раз на дню. С другой стороны, раньше в моей жизни не было Лауры Хэдфенгер.

Утром я едва успел провести встречи по финансам и экономике, переговорить с Кадгаром о предстоящей пресс-конференции по поводу оборота, получить от Роудхорна информацию от том, что по Кроунгарду Эстфардхару нет никаких сведений, хотя задействованы все спутники и все силы мирового сообщества, включая усилия Мирденхарда, а в довершении — от Крейда, что Стенгерберг тоже исчез, когда узнал, что у Лауры случился всплеск пламени.

Его более-менее удалось стабилизировать, но более-менее — это не то, что я хотел знать и слышать в отношении матери своего первенца. Поэтому и только поэтому Арден сейчас оставался в резиденции с ней, а я снова шел по коридорам Айрлэнгер Харддарк, совершенно не представляя, что мне со всем этим делать.

По-хорошему, ничего.

Охрана у нее лучшая из лучших, все, кто защищает резиденцию, отобраны Роудхорном. Арден из тех, рядом с кем

Лауре действительно ничего не угрожает, он знает о ледяном пламени все, он лучший врач Ферверна, если не сказать всего мира. Вот только почему-то при мысли о том, что он останется на ночь в ее спальне дракон внутри обрастал ледяными шипами.

И, наверное, надо уже себе в этом признаться, не только дракон.

Я тоже.

При учете того, что я еще не переговорил с Солливер о случившемся утром, это напоминало не просто дурной тон, а какой-то дешевый фарс. Утром мы с ней вместе прошли через телепорт, не сказав друг другу ни слова. Разошлись каждый со своим сопровождением, я — в сторону Айрлэнгер Харддарк, она в свою квартиру. Разумеется, я знал о ее местонахождении, и, судя по комментариям службы безопасности, квартиру она не покидала.

Что было совершенно на нее непохоже: раз в день Солливер посещала спа-салон, в обязательном порядке делала уходы за лицом, волосами и массаж. Бегать в парке после случившегося она не могла по понятной причине, но у нее был абонемент в закрытый элитный фитнес-центр — и спорт, которому она уделяла два-три часа в день, сегодня тоже остался в стороне.

Я не мог об этом не думать.

Равно как не мог не думать о том, что мне нужно с ней переговорить, но до пресс-конференции это представлялось

возможным только по видеосвязи, а такие вопросы не решаются по видеосвязи.

Стоило мне войти в приемную, как Одер вскинула голову: — Ферн Ландерстерг, вас искал Кадгар. Сказал, это очень срочно.

— Пригласи его ко мне.

Она кивнула, а я едва успел войти и опуститься в кресло, как пресс-секретарь влетел ко мне в кабинет так, словно за ним гнались глубоководные фервернские. Правда, тут же опомнился и приблизился к столу уже совершенно спокойно, чего нельзя было сказать об окружающем его эмоциональном фоне и лихорадочно блестящих глазах.

— Что-то случилось? — поинтересовался я.

— Да, ваша вторая... то есть ваша будущая первая ферна, ферна Ригхарн, выложила у себя в живой ленте сообщение, что приходит в себя после ранения и благодарит всех за участие.

— И?

— Это всколыхнуло самую настоящую волну в сети. Все интересуются, как она себя чувствует — не столько, сколько после ранения, сколько после того, что вы привезли с собой ферну Хэдфенгер, которая, к тому же, беременна вашим первенцем. Разумеется, от ферны Ригхарн никаких комментариев не последовало, и я думал, что мы обойдемся без этого... изначально предполагал, что просто зацепим тему видеообращения ферны Хэдфенгер, но сейчас понимаю, что

этого будет мало. Нам нужна ферна Ригхарн. Нужны ее официальные комментарии, если мы не хотим скандала и лишних домыслов.

— Лишние домыслы будут всегда, Кадгар.

— Но не в таком ключе. Нам просто нужно, чтобы она сказала о своих чувствах по этому поводу. Два-три вопроса, не больше.

Я даже представлять не хочу, что Солливер может сказать о своих чувствах по этому поводу.

— То, что она сейчас приходит в себя после ранения, никого не смущает?

— Боюсь, что нет. Ее фото уже есть в сети — в смысле, что она уже выходила из квартиры, поэтому ферну Ригхарн обязательно нужно представить журналистам и людям. Нужно озвучить ее реакцию, ферн Ландерстерг.

— Хорошо. Я тебя понял.

— Я подготовлю список допустимых вопросов и свяжусь с ферной Ригхарн...

— Подготовь список допустимых вопросов, с ферной Ригхарн я поговорю сам.

— Хорошо.

Пресс-секретарь поднялся и вышел, а я заблокировал дверь и коммуникатор и набрал номер Солливер. Она ответила не сразу, но когда ответила, ее голос звучал глухо. Так, будто она только что плакала.

— Я тебя слушаю, Торн.

Нужно быть последним наблом, чтобы после такого просто сказать: «Я хочу, чтобы ты участвовала в пресс-конференции». Поэтому я сказал совершенно другое:

— Нам нужно встретиться в самое ближайшее время.

— Зачем?

Когда женщина, а особенно — обиженная женщина, начинает делать вид, что ничего не понимает, это нормальная ситуация. Я считал, что Солливер выше этого, а может быть, просто по-другому видел наши отношения. Кажется, это не первый и не последний раз, когда я ошибался за последнее время.

— Ты считаешь, что нам не о чем говорить?

— Я считаю, что не хочу делать это сейчас.

— А я не хочу говорить то, что собираюсь сказать на пресс-конференции, не переговорив об этом с тобой. Впрочем, решать тебе, Солливер. Мы можем встретиться в Айрлэнгер Харддарк, или ты все узнаешь из СМИ.

— Ты мне угрожаешь, Торн? — кажется, слезы у нее кончились, потому что в голосе звенел металл.

— Я начал разговор с того, что хочу тебя видеть. Надеюсь, не мне одному кажется, что сейчас не время для взаимных обид. Водитель и сопровождение у тебя, через два часа будет отлично.

Прощаться я не стал, поскольку был уверен, что она придет. В чем-в чем, а в недалёковидности Солливер Ригхарн было сложно обвинить. Кадгар прислал вопросы минут че-

рез пятнадцать, но я лишь мельком на них взглянул. Погрузившись в работу, почти не заметил, как пролетело время, и, когда Солливер вошла ко мне в кабинет — стильная и безупречная, как всегда, на миг вспомнил нашу первую встречу.

Тогда мне казалось, что это будет идеально: союз, построенный на договорных отношениях. В мире правящих так бывало часто, особенно частыми были браки ир்தханов, заключаемые по силе. Иногда жениху и невесте было лет по пять, когда их родители проверяли пламя детей и договаривались о том, что они станут супругами. В современном мире, казалось бы, такого не должно было быть, но когда речь заходила о пламени, а именно о сильном пламени, которое позволяло семьям надолго задержаться у власти, все решалось именно в пользу последней.

— Продолжим с того, на чем остановились. — Солливер прошла в мой кабинет и опустилась в кресло. — Я тебя внимательно слушаю, Торн.

Я коснулся панели блокировки двери, и внимательно посмотрел на Солливер. Если присмотреться, можно было действительно обнаружить, что она плакала — припухлости почти не осталось, благодаря современной косметике и не такое возможно, но вот глаза по-прежнему были чуть красные.

— Начнем с того, что произошло утром, — произнес я. — Считаю, что это совершенно недопустимо.

— Да ты что?! — в ее голосе звучал сарказм. — Недопустимо — что именно? Обжиматься со своей беременной

бывшей, или не закрывать при этом дверь?

— Солливер, — холодно произнес я.

— У меня просто слов не хватает, чтобы выразить свои чувства, поэтому приходится импровизировать. Да, мы договаривались о том, что у нас с тобой исключительно партнерские отношения, но партнерские отношения — помимо деловой стороны — подразумевают еще взаимное уважение. Тебе очень повезло, что зашла я, а не кто-нибудь из мергхандаров, потому что изначально я хотела попросить передать тебе твою гарнитуру. Представляешь, как это могло повернуться тогда? Если бы я действительно это сделала?

— Представляю. Я согласен с тобой во всем — начиная от партнерских отношений, которые требуют уважения, и заканчивая тем, что ты не обязана меня прикрывать. Эта ситуация несколько вышла из-под контроля, потому что мой дракон видит в Лауре Хэдфенгер пару. Из-за ее силы, или просто потому что он ее выбрал — не представляю.

Солливер глубоко вздохнула. Эмоции, отголосками которых меня полоснуло — неверие, обида, ярость — тут же отступили, словно скрытые за не пропускающей никаких сигналов стеной. Если бы я не знал, что в ее жизни не было иртыханов, решил бы, что ее учили управлять фоном чувств в присутствии дракона.

— Потрясающе, — произнесла она, наконец. — Просто потрясающе, Торн. И ты мне предлагаешь просто скушать это и не подавиться? Зная, что твой дракон нацелен на твою

бывшую, как на перспективную самку, с которой он хочет спариться? И... прости, ты сейчас сказал, что не можешь это контролировать?

— Я такого не говорил, Солливер. Я всего лишь сказал, что тяга к Лауре Хэдфенгер очень сильна, и что это связано не только и не столько с драконом, сколько со мной.

Глаза Солливер сверкнули.

— То есть ты сейчас мне сообщаем, что она записала душещипательное видео и все — заметь, все — что было до этого, автоматически аннулируется? Эта женщина сбежала, выставив тебя идиотом перед всем Ферверном, потом бегала от тебя по странам, насколько я поняла из ее откровений, а сейчас ты мне говоришь, что у тебя к ней тяга, я правильно понимаю, Торн? Я не имею ничего — заметь, ничего, против Лауры Хэдфенгер, а если быть точной, не имела до этого утра. Но женщина, которая так легко меняет решения и облизывает чужого жениха — не совсем та, к кому я могу сохранять расположение. Мне совершенно без разницы, что было между вами в прошлом, но в настоящем — это уже перебор. Мы выбрали друг друга потому, что могли друг на друга положиться. Я доверяла тебе, Торн, и, надеюсь, сегодняшнее недоразумение останется всего лишь недоразумением. Скажи мне, я смогу доверять тебе в будущем, потому что если нет...

— Я собираюсь расторгнуть нашу помолвку.

Солливер осеклась. Точнее, это я ее перебил, и сейчас она

просто молчала.

— Ты — что? — спросила все-таки спустя затянувшуюся напряженную паузу.

— Я расторгаю нашу помолвку, Солливер, — повторил я. — Сегодня на пресс-конференции я об этом скажу. Как я уже говорил, партнерские отношения между нами не предполагают моего повышенного внимания к Лауре Хэдфенгер, а у меня к ней неизменно будет повышенное внимание. Поэтому что эта женщина носит моего первенца.

— И потому что твой дракон почувствовал в ней пару, — выплюнула Солливер.

— Поэтому тоже, но это — не главное. Для меня главное, чтобы с ребенком все было в порядке, по этой причине я буду постоянно присутствовать в резиденции. Поскольку вопросов по этому поводу будет бесчисленное множество, проще закончить все прямо сейчас.

— Ты сказал, что хочешь со мной переговорить, — она поднялась. — Но с тем же успехом мог просто выдать это на пресс-конференции. То, что я узнаю об этом от тебя в приказном порядке, дела не меняет.

— Мне жаль, Солливер, — произнес я и тоже поднялся. — Сейчас мне просто нужно снять харргалахт.

— Просто снять харргалахт, Торн? Просто? — она усмехнулась. — Хорошо, снимай. Но если это — пусть даже случайно — навредит твоему не-первенцу, ты очень сильно об этом пожалеешь.

— Не-первенцу? — Мой голос прозвучал холодно. Слишком холодно для такой новости. — Каким образом?

— Каким образом? — Солливер обхватила себя руками. — Это все, что ты можешь сказать, Торн?! Или мне объяснить тебе, откуда берутся дети?

— Откуда берутся дети, я знаю, — я остановил холодную ярость, звенящую в моих интонациях. — Мне непонятно, откуда берутся дети в нашем случае. Когда я предохраняюсь.

— Тебе разве не говорили, что это — не стопроцентная гарантия? — Солливер шагнула ко мне. — Да что с тобой не так, Торн?! Я говорю тебе о том, что я беременна! Бе-ре-мен-на! А ты на меня рычишь! Да, я не твоя любимая женщина, но если честно, сомневаюсь, что ты вообще на это способен. Тем не менее я заслужила хотя бы капельку уважения и внимания с твоей стороны. На ее новости ты реагировал так же?

Я попытался вспомнить о своей реакции на беременность Лауры, и наткнулся на холодную стену отчуждения. На ярость — от сознания того, что она мне лжет, на одно-единственное желание: найти ее и привезти в Ферверн. Не узнать, как она себя чувствует. Не спросить, что она испытала, когда узнала об этом, не разделить с ней эти эмоции, а просто найти и доставить в Хайрмарг.

Это отрезвило. Немного.

Я уже совершенно иначе взглянул на стоящую рядом женщину, а Солливер неожиданно покачала головой.

— Этот ребенок не входил в мои планы, Торн. Точно так

же, как и в твои, но в отличие от тебя я от него отказываться не намерена. Поэтому все, что я могу предложить — это провести полноценное обследование сразу после пресс-конференции. Выяснить, что снятие харргалахт ему не навредит, выяснить, когда произошло зачатие — чтобы ты наверняка был уверен, что он твой. Если врачи скажут, что ему не повредит манипуляция с пламенем, сделаешь то, что собирался. Потом соберешь вторую пресс-конференцию, на которой скажешь, что у тебя такое хобби — делать потенциальным первым фермам детей и выбрасывать их за ненадобностью!

Последнее она почти выкрикнула мне в лицо, после чего бросилась к двери. Рванула ее на себя:

— Открой!

— Тебе надо успокоиться, Солливер.

— Успокоиться? Я связалась с монстром. Никогда не думала, что такое скажу, Торн, но все, чего я хочу — это чтобы врачи подтвердили возможность снятия харргалахт. Потому что я не представляю, какое будущее меня ждет, если это окажется невозможным!

Я шагнул к ней, но Солливер вскинула руки.

— Не приближайся. Просто не приближайся, Торн. Оставь меня в покое хотя бы до вечера, когда придется опять лицеизреть твое непробиваемое лицо! И открой дверь — мне нужно в туалет, потому что меня сейчас стошнит. Или тошнить может только твою Лауру?!

Я даже представить себе не мог, что эта женщина может

быть такой. Что вся ее невозмутимость слетит, как ледяная корка. Те слезы, которые я видел после совершенного на Солливер покушения, не шли ни в какое сравнение с силой чувств, которой било по мне сейчас. Как ни странно, сейчас она была гораздо более уязвимой, чем тогда — когда я увидел ее в больничной палате в бинтах.

А ведь это случилось несколько дней назад.

Это мне казалось, что прошла вечность, на самом же деле — несколько дней. Столько всего. Солливер Ригхарн может хотеть казаться сколь угодно сильной, но все же она — женщина. Женщина, которая пережила то же самое, что и Лаура. Покушение. Новость о беременности. Новость о беременности, которая, возможно, свалилась на нее после взорвавшей мир видеозаписи.

— Когда ты узнала? — спросил я.

— Теперь ты хочешь знать, когда я узнала, — пробормотала она. — Ты меня совсем не слышишь, Торн? Совсем не слышишь, что я тебе говорю?

Солливер поднесла руку ко рту.

— Или мне можно сделать это прямо здесь?

Она и впрямь побледнела и судорожно вздохнула. Я коснулся панели управления, разблокировал дверь.

— Попроси Одер, чтобы сопровождала тебя...

— Сама справлюсь.

Она рванула дверь на себя, но в приемную вышла, расправив плечи и гордо вскинув голову. Я проводил ее взглядом

и опустил в кресло, после чего набрал Крейда:

— Проследите за тем, чтобы с ферной Ригхарн все было хорошо, и чтобы она не покидала Айрлэнгер Харддарк, пока не переговорит со мной.

— Хорошо, ферн Ландерстерг.

— В ближайший час у меня беседа с Мирденхардом, поэтому разместите ее максимально комфортно в гостевой комнате отдыха. Убедитесь, что у нее есть все, что необходимо, и не оставляйте одну ни на минуту.

— Понял. Мое присутствие на встрече с Мирденхардом не требуется?

— Нет.

Я нажал отбой и снова взглянул на приоткрытую дверь. Встреча с Мирденхардом предполагала обсуждение стратегии поиска Кроунгарда Эстфардхара и взаимодействие со спецслужбами других стран. Правда, я до сих пор не был уверен, что это взаимодействие способно дать какие-то плоды. Для того, кому известны все ходы отступления, кто жил этой жизнью не одно десятилетие и знает, как спецслужбы и разведка работают — изнутри — практически не существует границ. Буквально.

Нам всем здорово повезет, если мы хоть что-то узнаем о Кроунгарде Эстфардахаре в ближайшие пять-десять лет. Тем не менее я снова коснулся коммуникатора:

— Одер, я освободился и жду ферна Мирденхарда у себя.

— Хорошо, ферн Ландерстерг. Ферн Кадгар просил пере-

дать, что вопросы уже у вас на почте.

Вопросы, которые мне не потребуются.

Я не стал это озвучивать, поблагодарил секретаря и отключился.

Мельком взглянул на письмо Кадгара.

Вопросы.

В последнее время их становится слишком много.

Солливер Ригхарн

Когда все разваливается, лучшее, что можно сделать — это взять паузу. Взять паузу и напомнить себе, что ни один (пусть даже настолько высокопоставленный!) мужчина не достоин того, чтобы тратить на него свои нервы, и что она всегда — всегда! — выигрывает, заставляя их впоследствии очень горько сожалеть о том, что они с ней сделали. Как же ей нравилось смотреть им в глаза, когда она их бросала — всех этих, считающих себя хозяевами жизни и думающими, что за деньги можно купить все.

Твари.

И Торн — та же самая тварь. Только гораздо более масштабная.

Как же она его ненавидит!

От того, чтобы расколотить зеркало, Солливер спасло только чувство собственного достоинства и осознание того,

что в любой момент сюда может кто-нибудь войти. Да, может быть получилось бы очень в тему, но по ее мнению, это был слегка перебор. Слегка чуть более истерично, чем может позволить себе только что узнавшая о беременности и о том, что с ней хотят расторгнуть помолвку женщина.

— Ненавижу! — прошипела она еле слышно, сжимая в руках смартфон.

Потом вернулась в кабинку, из которой только что вышла, закрыла дверь и набрала сообщение: «Нужно поговорить».

Ответ пришел сразу же: «Что, уже не боишься, что Роудхорн нас раскусит?»

Ехидного смайлика не было, но ехидные интонации сочлились сквозь каждое слово, если не сказать в каждой букве.

«Ты знал, что Хэдфенгер — его пара?»

«Да».

«Откуда?»

«Это неважно».

Неважно? Неважно?!

И когда, интересно, он собирался ей об этом сказать?!

«Это важно, наблы тебя дери! Ты должен был сказать об этом сразу, а не отделяться словами: «Не подпускай его к ней»!»

«Я ничего тебе не должен, дорогая. Достаточно уже того, что я для тебя делал. Это ты прокололась. И прокололась знатно. Должна радоваться, что я вообще с тобой разговариваю».

Впервые за долгое время Солливер захотелось убивать.

Это желание было спонтанным, хотя когда-то, перед тем как впервые решиться на такой шаг, она долго думала, колебалась и тряслась, как ветка под ударами ледяного ветра. Стоило ли? Тем более что сама она никогда не марала рук. Все ее недруги сталкивались с обстоятельствами непреодолимой силы... или с теми, кто их провоцировал.

Стоило немалых усилий не послать Крейда.

Прямо сейчас.

«И все-таки ты со мной разговариваешь. Значит, я за чем-то тебе нужна».

Смотреть на тающие сразу после отправки сообщения в мессенджере было странно и непривычно: они впервые общались таким образом.

«Мне очень интересно, что же ты учудила, что великий Торнгер Ландерстерг велел не выпускать тебя из Айрлэнгер Харддарк, при этом обеспечить всем необходимым и сдуть с тебя пылинки».

Не выпускать из Айрлэнгер Харддарк? Сдуть пылинки? Хм-м-м-м...

«Я сказала ему, что я беременна. Потому что он собирался расторгнуть помолвку».

Сообщение исчезло, и какое-то время она смотрела в пустое поле, ожидая следующего и мысленно представляя, что она сделает с Крейдом, когда тот станет ей не нужен. А ведь уже очень скоро он станет ей не нужен, особенно после того,

что она делает сегодня.

Возможно, Хэдфенгер — потенциальная пара Торна, но это вовсе не значит, что она станет ей на самом деле. Или уже стала? От этого будет зависеть то, что произойдет дальше, но это пока — второстепенная задача. Сейчас нужно решить вопрос с несуществующей беременностью и сделать это нужно как можно скорее.

«Ты с ума сошла. Наше сотрудничество завершено».

«Прежде чем ты заблокируешь наш канал общения, хочу тебе напомнить, что я знаю о тебе слишком многое, Крейд. В Айрлэнгер Харддарк ты вряд ли от меня избавишься, и, если я правильно понимаю, мне в самое ближайшее время предстоит разговор с Торном?»

«Сделаешь это — и подставишь саму себя».

«Мне терять уже нечего. И да, на случай, если тебе в голову пришла мысль, что ты сможешь от меня избавиться потом, в одном надежном месте хранится информация обо всем, что ты обо мне скрыл, и мое чистосердечное признание в нашем тесном сотрудничестве. В случае моей внезапной смерти кое-кто позаботится, чтобы оно стало достоянием общественности».

«Ты блефуешь».

«Хочешь проверить? Просто откажись мне помогать».

Солливер отправила последнее сообщение, после чего закрыла мессенджер. Нет, она не блефовала, потому что привыкла всегда прикрывать себя самостоятельно и предпочи-

тала лишний раз перестраховаться — что, к слову, уже спасало ее, и не раз. Усмехнувшись, она положила смартфон в сумочку и вышла из туалетной кабинки. Сотрудница Торна, стоявшая у раковины и мельком взглянувшая на нее, изменилась в лице, пришлось изображать попытку улыбнуться. В данном случае даже играть не приходилось. Почти.

Точно так же, как в минуту, когда Торн сказал о расторжении помолвки. Тогда эмоции обрушились на нее ураганом — отчаяние, боль, неверие, ярость, и она позволяла ему их считать. Ровным счетом до того, как они не перешли в нечто иное. Ненависть. Ненависть, заставляющая дрожать даже кончики пальцев. Именно с нее она просто переключилась, отгораживаясь от эмоции стеной пустоты, ровного фона. Она училась этому два года: не позволять себя «прочитать» даже сильным мира сего. По аналогии с тем, как они учатся контролировать пламя перед ментальным приказом, она училась управлять своими чувствами и мыслями.

Чтобы ни один из них не сумел залезть ей в душу.

Сполоснув руки, она приложила к губам салфетку и вышла в коридор. Предсказуемо — там ее уже дожидались мергхандары. Сопровождение от Торна и Крейда, сотрудники службы безопасности проводили ее в роскошную комнату отдыха. Помимо дивана, кресел и туалетного столика, там еще были панорамные окна, которые сейчас прикрывали жалюзи, аквариум во всю стену, где плескались мелкие морские обитатели и огромный плазменный экран.

Солливер едва взглянула на кулер, и один из мергхандаров тут же принес ей воды.

— Благодарю, — слабым голосом произнесла она, и, опускаясь в кресло, ойкнула и положила руку на живот.

— Все хорошо, ферна Ригхарн?

— Да. Все в порядке. Мне просто нужно посидеть.

Мергхандары отошли к дверям, а она снова достала смартфон и развернулась вполоборота, чтобы видеть, если кто-то захочет к ней приблизиться.

«Так и будешь молчать?»

Судя по всему, это было десятое сообщение от Крейда, если не сказать сотое. Просто остальные исчезли быстрее, чем она их увидела.

«Прости, была занята. Я что-то пропустила?»

Судя по паузе, Крейд тоже думал о том, как ее убить. Но ничего не придумал, поэтому прислал следующее сообщение:

«Какой смысл говорить о сотрудничестве, если Ландерстерг все равно готов разорвать помолвку? Он не меняет своих решений».

«Не истери. В отношении Хэдфенгер поменял, к тому же, у меня есть план, как все исправить».

«Какой?»

«Не все сразу. Впрочем, главным остается одно — мне нужно попасть в резиденцию. А для этого нужно, чтобы у меня случился выкидыш».

Глава 9

День прошел хорошо. Никто не пытался убить меня, я никого не убила и даже не подморозила. После того, как пообещалась с отцом и Даргелом снова и заверила, что у меня все в порядке, их отправили в Хайрмарг, а я засела со смартфоном в поисках нужной информации по курсам и даже нашла те, которые мне понравились. Кто бы сомневался, что понравившаяся мне Школа сценарного мастерства располагалась в Аронгаре, но к счастью, у них была возможность прохождения онлайн. Сейчас я читала договор и одновременно думала, с чего мне начать.

Учитывая, что я никогда не читала (и не писала) сценариев, познания мои в этой сфере были весьма скромными. А начать хотелось уже сейчас, как можно скорее! Прямо руки чесались. Особенно учитывая тот факт, что большую часть времени мне предстоит провести в резиденции... хотя о чем это я. До родов я тут живу, буду смотреть на окружающий мир по визору и в сети.

Честно говоря, здесь окружающий мир тоже был хорош. Заснеженный парк, скрипящий под ногами снег и резвящиеся вокруг нас с Арденом Гринни и Верраж. Мергхандары смотрели на эту идиллию исподлобья, но видимо, нам не воспрещалось гулять вчетвером.

Пройтись вместе вообще была идея Ардена, он сказал, что

чем больше я буду сейчас гулять, особенно на морозе и в пустоши, тем лучше. Это, видите ли, благоприятно влияет на ледяное пламя, которое чувствует близость стихии. Лично я (помимо икоты, которая на меня напала внезапно) чувствовала только, как мерзнет кончик моего носа. Что странно — разве не должно было ледяное пламя меня защищать? В общем, оно почему-то не защищало, равно как и утепленный лыжный костюм, который доставили вместе с остальной одеждой.

Я ничуть не удивилась тому, что моих личных вещей там не было, а были исключительно новые брендовые вещи с ценниками. Большая часть пакетов так и осталась стоять нераспакованными, а вот костюму, зимним ботинкам, варежкам и шапочке я искренне обрадовалась. Потому как гулять в том, в чем я приехала, не представлялось возможным от слова совсем.

Вынырнув из воспоминаний, я дочитала договор, в котором меня все устроило, и отложила смартфон.

— После ужина опять пойдем? — поинтересовалась у Ардена, который тоже сидел, уставившись в планшет. Правда, судя по его отсутствующему взгляду, вряд ли он вообще что-то там видел. А судя по тому, что мне ничего не ответили, я была права. — Кхм! Арден!

Он словно очнулся и поднял голову:

— Что?

— У нас скоро ужин. Гулять пойдем после? По-моему,

наши друзья были в восторге.

— Это твои друзья.

— Мои друзья и твои друзья тоже.

Арден улыбнулся:

— Я о том, что они от тебя не отходят. На меня им плевать.

— Ничего не плевать, — возразила я. — Им очень понравилось летать за палками, которые ты им кидал.

— Им понравились палки, а не я.

Я фыркнула.

— Откуда такая самокритичность?

— Я реалист, Лаура.

Ох уж эти мне реалисты!

Продолжить разговор мы не успели, потому что прибыла еда на аэротележках.

— Как ты смотришь на то, чтобы пригласить Доража к нам присоединиться?

— Доража?

— Это тот, кто нас так вкусно кормит.

Арден пожал плечами:

— Я не против компании.

— Супер!

Я спрыгнула с кровати и направилась к двери. Уютный домашний костюм, теплый, с дракончиком на груди, тоже пришелся очень в тему, в нем я сейчас и расхаживала. В нем, а еще в мягких пушистых тапочках. Никогда раньше так

не ходила. И никогда раньше не чувствовала себя настолько классно!

— Пригласите, пожалуйста, Доража Эмери, — сказала я мергхандару, высунувшись за дверь.

— Что-то не так, ферна Хэдфенгер?!

Да что же они за лю... иртыханы такие-то?! Почему сразу не так?!

— Да, еда отравлена, — буркнула я и тут же об этом пожалела: мергхандар явно не понял шуточки, изменившись в лице.
— Чувство юмора!

Это я почти рявкнула.

— Чувство юмора вам знакомо? Мне просто нужен Дораж Эмери, хочу пригласить его поужинать с нами.

— К вам запрещено подпускать кого бы то ни было, кроме Ардена Ристграффа.

— Людей, вы имеете в виду?!

Мергхандар замялся, а я нырнула обратно в комнату и вернулась на кровать.

— Как прошло? — поинтересовался Арден, который уже вплотную занялся ужином.

— Ты в курсе, да? В курсе, что ко мне запрещают подпускать людей?

— Это меры предосторожности, Лаура.

— Меры предосторожности, заставляющие чувствовать себя чудовищем.

— Это не так. Просто какое-то время... пока мы с тобой

не найдем способ заставить твоё пламя слушаться, лучше перестраховаться.

— Это не загородная резиденция, а тюрьма!

Арден изменился в лице.

— Поверь мне, Лаура. Тюрьма гораздо хуже.

Я хотела ответить, что сомневаюсь, но прикусила язык. Не стоит о ней вообще вспоминать, для Ардена это все слишком... живо.

— Теперь я не представляю, как мне связаться с Сэфлом. Точнее, как мне придумать причину, по которой я свяжусь с Сэфлом.

Мы не возвращались к этому разговору с той самой минуты, как договорились работать вместе, и честно говоря, я уже начинала думать, что Арден меня всерьёз не воспринимает. Как раз тогда, когда он все же ответил:

— А какая была изначально?

Я заглянула под крышку с жарким, подвинула блюдо к себе.

— Я хотела поговорить с ним якобы под предлогом встречи с Рин. То есть... у меня с ней сейчас натянутые отношения, — если не сказать, никаких отношений вообще, — но мне хотелось бы это исправить.

— Так тебе действительно хочется это исправить? Или это просто предлог?

— Не знаю. — Я ткнула вилкой в еду. — Последний раз, когда мы общались, она меня здорово обидела.

— Это точно никак не связано с моим вопросом. Хочешь ты с ней помириться, или нет?

— Хочу, — честно призналась я. — Потому что она моя подруга. Потому что я ее люблю.

Арден не ответил: отвлекся на засветившийся экран смартфона, а я решила, что лучше буду жевать. Это точно лучше, чем думать про Рин и почему она так поступила, а главное — почему, несмотря ни на что, я действительно хочу с ней увидеться и откровенно поговорить. Это ведь моя Рин! Моя Рин, с которой мы друг за друга всегда были горой! Как так получилось, что сейчас между нами... вот это вот все?!

Спустя какое-то время я поймала себя на том, что все-таки провалилась в собственные мысли, а еще — на том, что в комнате уже довольно давно очень тихо. Оторвалась от еды и увидела Ардена, который пристально смотрел на меня. Так пристально, что впору волноваться — может, я уже кристаллизуюсь льдом, просто не заметила?

— Что-то не так? — уточнила я.

С мергхандарами Торна поведешься, еще и не того наберешься.

Он покачал головой, по-прежнему сжимая в руках смартфон.

— Арден, у меня тоже такое есть, — сказала я, кивнув на лежащий за спиной девайс. — Если что, я сама умею пользоваться сетью. Так что...

— Дело в Солливер Ригхарн, — он не дал мне договорить.

— С ней кое-что случилось.

— Кое-что — это что? — уточнила я.

— Пока что журналистам конкретики не сообщали. Известно только, что ей стало плохо в Айрлэнгер Харрдарк, и что из-за этого отменили сегодняшнюю пресс-конференцию.

В памяти всплывает информация о том, что мне рассказывал Халлоран: покушение на Солливер, примерно в то же время, когда было покушение на меня. Ну или не в то же, если честно, я запуталась во всех этих информационных поводах и кошмарах, которые происходили в последнее время, но в эту минуту у меня в голове что-то щелкает, как будто начинает складываться кусочек пазла, который раньше не складывался никак.

— Помнишь ту историю с нападением на Солливер Ригхарн? — спрашиваю я у Ардена. — Можешь о ней рассказать подробнее?

— Если честно, Лаура, я мало что об этом знаю. Я был в тюрьме.

— Но хотя бы что-то тебе известно? Какие-то подробности?

— При чем тут это?

— При том, что когда меня пытались убить агенты рагранских спецслужб, чуть раньше или примерно в то же время — я не знаю подробностей... хотя...

Я хватаю смартфон, набираю в поисковике: «Покушение

на Солливер Ригхарн» — и вижу, что это случилось примерно за сутки до того, как меня чуть не исполосовали лазерными лучами.

— В общем, я думаю, что это был отвлекающий маневр.

— Отвлекающий маневр? — брови Ардена приподнимаются. — Для кого?

— Для Торна.

Я быстро просматриваю статьи, посвященные теме, выхватываю строчки «Телохранители ферны Ригхарн мертвы...», «...отделалась легким ожогом», «...опасная пробежка», и все в том же ключе. Мне полагается чувствовать себя последней ларркой, потому что я не испытываю сочувствия, но я почему-то себя ею не чувствую. Возможно, из-за того, что мне рассказал Бен. А может быть, потому что я просто предвзята по отношению к Ригхарн.

Арден смотрит на меня как-то слишком пристально.

— Ты что-то забыла мне рассказать, Лаура?

— Это долгая история. Один мой знакомый рассказал мне про то, что Солливер Ригхарн весьма умело избавляется от соперниц и делает все для достижения своей цели.

— Ты хочешь сказать, что Солливер отправила к тебе рагранские спецслужбы?

— Я не знаю. Я вообще уже ничего не понимаю, просто...

— Просто?

— Просто нам нужен тот, кто поможет во всем разобраться. Если мы придем к Торну с доказательствами — прямы-

ми доказательствами заговора, кто бы его ни плел, уже ничего не сможет поделаться. В противном случае мы только дадим им преимущество и намек на то, что знаем, что что-то происходит. Для поиска доказательств нам нужен Сэфл, но поскольку Рин ко мне не подпустят, я не вижу причины, по которой я захочу с ним поговорить — таких, чтобы не рассказывать обо всем Торну.

— Ты слишком все усложняешь. Попробуй поговорить с ним по телефону.

— Если ты прав — о том, что в ближайшем окружении Торна есть враг — то этот враг с наибольшей вероятностью отслеживает все телефонные разговоры и все, что вообще можно отследить. А учитывая, что в наше время отследить можно практически все...

— Лаура, тебе не кажется, что это уже паранойя?

— Мне кажется, что я чуть не вышла замуж за агента рагранских спецслужб. Это наложило некоторый отпечаток на ход моих мыслей.

Арден покачал головой.

— Эстфардхар.

— Да. Эстфардхар. Ты что-то имеешь против?

— Он очень непростой.

— Никто и не говорит, что он легкий, и слепо доверять его словам я тоже не намерена. Именно поэтому нам нужен Сэфл для Рин, в смысле, Рин для Сэфла, ну... ты понял.

Арден вздохнул и перевел взгляд за окно.

Я посмотрела на поднос с едой, но аппетит окончательно пропал. Не возбуждали даже рогалики, которые невесть откуда здесь взялись. Напротив, сейчас они напомнили про Бена, и есть расхотелось окончательно. Даже при взгляде на умопомрачительно аппетитный джем и прочие прелести гастрономических изысков.

— Я могу порекомендовать встречу с Рин как положительные эмоции для тебя, — наконец, произнес он. — В моем присутствии. Но не могу обещать, что Торн ее утвердит.

Последние его слова совпали с шорохом открывшейся двери и последовавшим за ним вопросом:

— Что именно я должен утвердить?

Торн шагнул в комнату, и Арден незамедлительно поднялся. Я же искренне порадовалась, что уже не жую, и что у меня пропал аппетит, потому что с выражением лица Торна сейчас можно было на дракона ходить безо всякой ментальной магии и пламени. Будь я драконом, развернулась и линяла бы в пустоши, потому что да ну его, с таким связываться — себе дороже.

— Мы с Лаурой разговаривали о возможности редких встреч с близкими людьми, — произнес Арден.

— С отцом и братом она виделась сегодня.

— Думаю, об этом вам лучше переговорить наедине.

И это называется «Я могу порекомендовать»?! Я так и сама могу! В смысле, сказать, что мне не мешают свободные встречи с близкими людьми.

— Торн, я бы хотел напомнить, что Лауре сейчас нужно как можно больше положительных эмоций. И что в моем присутствии она не сможет никому навредить.

Ладно, беру свои слова обратно.

Арден не стал дожидаться ответа Дракона номер один и вышел, а я подтянула под себя одну ногу и выразительно посмотрела на папу Льдинки.

— Почему ты ничего не съела?

— Кое-что я все-таки съела, — я ткнула в развороченное жаркое.

— Тебе нужно нормально питаться.

— Я питаюсь так, как мне нормально. Сейчас не хочу, — я сложила руки на груди.

Взгляд Его драконейшества сверкнул льдом.

— С кем ты хотела увидеться?

— С Рин. Но все сложно, — актерского мастерства у меня было минус ноль целых и пять десятых, поэтому приходилось говорить правду. — Когда мы общались в последний раз, она немного не поняла меня из-за того, что я сбежала из Хайрмарга беременной. Потому что не знала о том, что я не знала о своей беременности. Тем не менее Рин не позволила мне и слова сказать, и мы разругались. Поэтому я очень хочу с ней поговорить, но перед этим я хочу поговорить с Сэфлом, чтобы узнать, стоит ли вообще это делать. Потому что мне нужны положительные эмоции, а не ругань.

— Ты же знаешь, что Сэфл теперь возглавляет службу без-

опасности Ферверна?

— И что? У него не найдется минутки заглянуть сюда и просто со мной поговорить? Я не собираюсь задерживать его на целый день.

Торн не успел ответить: в дверь постучали. Он загородил собой весь дверной проем, поблагодарил мергхандара, а когда повернулся, в руках у него была сумка.

— Ноутбук, — прокомментировал он, поставив сумку рядом с кроватью. — Он новый, но уже полностью настроен.

— Напичкан следящими программами, ты хочешь сказать?

Выражение лица у Торна стало еще более говорящим, и я как тот гипотетический дракон подумала: «Да ну его в пустошь». Совсем шуток не понимает.

— Я пошутила, — сказала на всякий. И добавила: — Спасибо. За это тоже.

Я подергала себя за дракончика на груди, точнее, за кофточку, после чего взгляд Торна слегка к этой самой груди припаялся. В этот момент я точно решила, что да ну его в пустошь, потому что ледяное пламя отозвалось мурашками на мгновенно ставшей чувствительной коже.

— К разговору про Рин мы еще вернемся, — сообщил он и направился к креслу, в котором только что сидел Арден.

Э...

— Ты что, опять будешь ночевать здесь?

— Да. Ардену нужно спать.

— А тебе не нужно?!

Не знаю, зачем я это спросила, само вырвалось. Потому что Торн неожиданно прищурился и поинтересовался:

— Хочешь пригласить меня к себе, Лаура?

Драконогад он, вот он кто. Дракон номер один — это профессия, а призвание — Драконогад. Дракон. И гад.

— Что произошло с Солливер Ригхарн? — поинтересовалась я.

Исключительно в отместку.

Не собиралась я о ней говорить, вот правда не собиралась, пусть даже если для дела нужно... точно не хотела заводить этот разговор сейчас.

Выражение его лица стало таким, что я бы на месте драконов просто ушла под землю, как когда-то люди. Там всяко спокойнее.

Тем не менее Торн все-таки ответил:

— Угроза выкидыша.

Информация о Солливер — всегда лишняя. Когда я уже это пойму и перестану лезть туда, где можно здорово долбануться головой? Хотя сейчас больше было похоже на то, что долбануло меня. Снегом, шмякнувшимся на макушку с силой сошедшей с горы лавины.

— Супер, — сказала я. — Поздравляю, счастливый отец.

Мне как женщине, а тем более как будущей матери, полагалось хотя бы чуточку посочувствовать, но все, чего мне сейчас хотелось — это треснуть Торна его же ноутбуком, а

сверху еще добавить аэротележкой. В последнее время такие кровожадные мысли меня посещали не раз и не два, в связи с чем у меня вопрос: это на меня беременность так влияет?

Главное — не начать истерить, Лаура. Главное — не начать истерить.

Торн почему-то молчал, поэтому я решила, что мне тоже лучше заткнуться и полезла за ноутбуком. И даже не для того, чтобы треснуть им Торна, а именно для работы — по сценарию! Пусть сам разбирается со своими заговорщиками, производитель года наблов! Нет, я разумеется понимаю, что современные будущие муж и жена не только за ручки держатся на публику, но... но.

К счастью, все то, что я чувствовала и думала, никак не отражалось на моем лице. За последнее время я здорово научилась морозиться (а еще чувствовать приближение ледяного пламени). Поэтому включая ноутбук, мысленно считала до десяти и обратно. Не хотелось бы второй раз за день фонтанировать инеем и снежинками. Да и с мергхандарами потом объясняйся, что ты не собиралась покушаться на жизнь его наб... Леденейшества.

Ноутбук включился, Торн устроился в кресле, а я все не могла успокоиться.

Надо было не слезы по нему лить в Рагране, а переспать с Беном! Может, сейчас не было бы так обидно и больно. Хотя какое больно? С чего мне вообще должно быть больно?! Он мне вообще кто?

Я еще раз досчитала до десяти и обратно, но больно по-прежнему было. Что самое странное, не столько за себя, сколько за Льдинку.

— О чем ты думаешь, Лаура?

Хочешь знать, о чем я думаю?

— О том, зачем моей дочери такой отец.

Получилось холодно, очень холодно, и я мысленно себя поздравила. Молодец, Лаура. Просто супер! Будешь продолжать в том же духе — заработаешь звание «Ледяная мать года».

— Мне казалось, мы это уже обсудили, — в меня вонзился холодный взгляд.

— Это было до того, как вскрылись новые обстоятельства. Я решительно не понимаю, Торн, как буду объяснять своей дочери, почему ее братик или сестренка младше ее на месяц, и что такое любовь.

Судя по тому, что Торн снова промолчал, он тоже не знал, что на это ответить. Ну ничего, у него пресс-служба есть, что-нибудь придумает.

— Я не хотел, чтобы так получилось, Лаура, — выдал он.

— Так — это как? — поинтересовалась я. — Чтобы у тебя два первенца подряд родились? Кажется, это несет в себе определенные проблемы твоему морально-этическому образу. Или ты хочешь вернуться к старой-доброй традиции гаремов и отборов? Извини, но в таком случае твои рейтинги рухнут прямо на тебя.

— Дело не в политике. — Он посмотрел на меня. — Дело в нас.

— В нас? Ну здесь ты точно можешь не переживать, потому что «нас» нет уже очень давно. Я согласилась поехать с тобой ради дочери, но, если ты не можешь обеспечить ей адекватного отца, я вряд ли задержусь здесь надолго. Потому что Бен будет гораздо лучшим отцом, чем ты.

Я бы вряд ли успела понять, что произошло, потому что пламя прокатилось по комнате с такой силой, что меня только чудом не размазало по кровати. Волоски на коже встали дыбом, пламя внутри сжалось в тугую спиральку. Это было то, что я почувствовала, а следом — звериный взгляд с вертикальными зрачками, который в упор ввинчивался в меня.

— Никогда больше, — процедил Торн, — не смей упоминать его имя в сочетании со словом «отец» моей дочери.

Хуже всего было то, что меня снова трясло от его близости, а еще хуже — то, что внутреннее пламя до безумия стремилось слиться с его. Как же я это ненавижу! В ту минуту, когда я об этом подумала, огонь в его глазах стал еще ярче, а выдох больше напоминал рычание зверя. Губы обожгло, а следом обожгло руку: пламя прожгло рукав пижамы с дракончиком, и вдоха не получилось.

Он остался во мне, запечатанный его ртом, как и стон дикой, животной страсти, отзывающейся на прикосновение покрытой чешуей ладони. Это пламя больше не жгло, оно обжигало — и моя кожа под этими пальцами искрилась тон-

кими фиолетовыми чешуйками. Я заметила это, когда уперлась ладонями ему в грудь, пытаясь отстраниться, но тщетно. Внутри меня что-то рвалось к нему с той же неистовой силой, с которой что-то рвалось ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.